

СЕРИЯ «БЛАГОСЛОВЕНИЕ» ИМ. СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Вяльга Трибанова

Слепые и прозревшие

Книга вторая

Ольга Владимировна Грибанова
Слепые и прозревшие.
Книга вторая
Серия ««Благословение»
им. Сергия Радонежского»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63073216

*Слепые и прозревшие. Книга вторая :
ISBN 978-5-907306-91-2*

Аннотация

Эта история о безрассудной любви, беспредельной жестокости и запоздалом раскаянии началась много веков назад и не завершилась смертью ее героев. Новые герои, живущие в советской России XX века, несут на себе груз не прощенной самим себе жестокости. Они и сами не догадываются, почему так странно складывается их жизнь. Им предстоит встретиться заново, исправить все ошибки и искупить все грехи, чтобы прийти к счастью. А это счастье так непохоже на привычные представления о нем! Пожалуй, никто и не догадается, что это счастье...

Содержание

III. Втроем	7
1. Саша родился	7
2. Галино возвращение	11
3. В ожидании	19
4. Талант	26
5. Плохая мать	31
6. Николай Николаевич	36
7. Кучеряшка	43
8. Сашин кошмар	50
9. Жизнь удалась	55
10. Из дневника Саши Морозова	64
11. Падение	73
12. Учительница	86
Конец ознакомительного фрагмента.	95

**Ольга Владимировна
Грибанова
Слепые и прозревшие.
Книга вторая**

© О. Грибанова, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Грибанова Ольга Владимировна родилась в г. Санкт – Петербурге (Ленинграде). Окончила русское отделение филологического факультета ЛГУ (ныне СПбГУ). 20 лет работала в школе преподавателем русского языка и литературы.

С 2008 года публикует свои работы на различных ресурсах в интернете. В 2017 году на Ridero был опубликован сборник поэзии «Глоток воды» и сборник прозы «Миг рождения».

Лауреат второй степени в номинации «Поэзия» Первого Международного литературного фестиваля им. А. С. Пушкина. Лауреат литературного проекта «Автограф» им. Антуана де Сент-Экзюпери.

В 2018 году в Израиле в издательстве Best Nelly media вышла книга поэтессы Веры Горт с литературоведческими комментариями О. В. Грибановой «Как олень спешит к водопою...» – поэтические переложения псалмов.

Работы автора опубликованы в сборнике Интернационального Союза писателей «Новые имена в литературе».

В 2019 году в Интернациональном Союзе писателей вышел сборник прозы, включающий три рассказа и повесть-фэнтези «Неведомый путь».

Работы автора в 2019 году были отмечены Благодарностью от депутатов Государственной думы.

III. Втроем

1. Саша родился

Рождение на свет подобно смерти.

Жил человек, жил себе в своем замечательном, уютном мире, где кормит, нежит и баюкает своим колокольным звоном мамино сердце. Право же, это очень даже настоящий мир: есть в нем и радости, и печали, есть удивительные открытия и грандиозные катастрофы, есть враги и друзья. Уши этот мир слышат, глаза этот мир видят, пальцы этот мир осязают.

И проживает человек в этом мире целую огромную девятимесячную жизнь.

Но вот наступает страшный миг, когда все вокруг рушится, душит, давит, сминает и наконец выталкивает маленького, беззащитного человека из этого мира. И нет его больше там. Пусто!

Чем не смерть?

А как же это больно – привыкать к новой жизни, где все так враждебно! Колет нежную кожу холод, режет только что развернувшиеся легкие жгучий воздух, ослепляет пронзительно яркий свет.

А сколько наваливается тяжелейшей работы! Дышать –

вдох-выдох, вдох-выдох – и так без конца! Каторга!

Тяжесть давит сверху – головы не повернуть.

А кушать-то, кушать! Приходится сосать до изнеможения, а потом долго и болезненно переваривать!

И, главное, нет рядом маминого сердца, которое так защищало в том мире. Приходится звать это сердце, звать, звать, пока не возьмет мама на руки. Вот тогда наконец в мире наступает порядок.

Проходит еще одна бесконечная, многочасовая, многодневная жизнь, прежде чем человек станет в этом мире своим, найдет для себя надежные вехи.

Мамино тепло, сладость молока во рту, приятное чувство наполненности, бодрости и силы. Веселый звон погремушек и их яркие краски. Улыбки на лицах – самое приятное зрелище.

А потом усталость, знакомая картинка на стене, упругая пустышка во рту и сон – Тьма.

С каждым днем послушнее становится тело. И вслед за ним послушным делается мир. Качнешь погремушку – зазвенит: слушай и веселись, мой господин.

Перевернешься на живот, а потом и сядешь – и мир послушно расстилается внизу перед тобой. Смотри, любуйся, мой повелитель.

Устал любоваться – крикни погромче, и прибежит мама. Теперь открой рот пошире – и в нем окажется ложка с кашей. Так-то вот! И всегда извольте слушаться!

Но тем обиднее, когда мир выходит из повиновения.

Не вовремя приходит тьма. Человеку совсем не до сна, зудят распухшие десны, их бы почесать обо что-нибудь. Но вещи – и жесткие, и мягкие, и упругие – появляются с приходом света, а света нет. Тьма. И человек громко зовет на помощь маму с ее колокольным сердцем. Папа тоже ничего, тоже годится – в его руках, как в прогулочной коляске, удобно и просторно. Ну где вы все? Должен же кто-то прийти и призвать к порядку эти распухшие десны и эту никому не нужную тьму?

Чем старше человек, тем сильнее в нем жажда власти и тем мучительнее разочарование. Самое ужасное, что тут бес-
силны папа с мамой, и опереться не на кого.

Плачет, плачет человек, просит, просит помощи, а мама ощупывает ползунки или кормить начинает. Приходится отбиваться всеми силами. А дело совсем не в том. Просто мир плохо устроен, и его надо срочно менять.

У резинового ушастого зверя мерзкий голос. Его кусаешь – он пищит. Два десятка раз куснешь – и в ушах противно станет. А у погремушки неприятная расцветка – глаза бы не смотрели. Да еще этот непрекращающийся свист и голубые блики от большого застекленного ящика. В нем разные чужие лица и чужие голоса. И зачем этот ящик поселился у нас?

А еще течет что-то из носа, неприятно свербит и мешает дышать! А еще голова какая-то тяжелая.

На редкость неудачно устроенный мир. Никто этого не понимает и понять не хочет. Убери, мама, этот мир подальше, а мне дай тьму, тишину и твое, мама, сердце. Так будет лучше.

2. Галино возвращение

Галя не замечала времени. В сознании перемешались сон, явь, солнечные блики на стенах, ясное небо за окном. Галя открывала глаза и видела ласкающую голубизну в клетчатой раме окна. Но стоял июнь, и кто знает, было то утреннее, дневное или вечернее небо?

Только на третье утро Галя проснулась с ясным сознанием, что жива. Хотя голова сильно кружилась, хотя руки поднимались с немалым трудом, но глаза все видели, уши все слышали, и все с грехом пополам, но складывалось в общую картину.

Воздух в палате был свежий. Вокруг стерильная чистота, какие-то приборы у стены, рядом с койкой стояк для капельницы. Галя подняла к глазам свои костлявые руки. Так и есть – на сгибах локтей темные пятна. Интересно, сколько капельниц в нее влили? А она ничего и не помнит. Кроме Сашиного крика и его красно-синего личика.

Надо позвать кого-нибудь, спросить, узнать. Только сил нет...

Дверь открылась. На пороге Мария Кирилловна с врачом-кардиологом.

– Где тут у нас фокусница Галина? Вот вам, пожалуйста, Эмилия Марковна, мы от ее сюрпризов седые стали, а она уже лежит себе, розовая такая, и улыбается. Что ты нам на

это скажешь?

– Больше не буду... – прошелестела Галя чужими потрескавшимися губами.

– И на том спасибо, – рассмеялась Мария Кирилловна. За все семь с лишним месяцев их знакомства Галя не видела «железную леди» такой веселой.

– Давай свой живот. Я понажимаю, а ты потерпи. Ну и ничего... Тут неплохо... И тут прилично... Кровит, конечно...

– Кровит! – сурово откликнулась Эмилия Марковна.

– В пределах допустимого, не страшно. Молодцом, Галя. Теперь на стул рядом с Галей опустилась кардиолог, и Мария Кирилловна притихла, напряженно следя за ее лицом и руками.

Эмилия Марковна работала, как молитву творила, прикрыв глаза в безмолвном экстазе. Только двигались нервные руки по Галиной груди, словно в такт песнопению. Потом наконец руки медленно опустились, глаза распахнулись, и вернулась Эмилия Марковна в наш бренный мир. Взяла карту из рук Марии Кирилловны, долго вчитывалась, время от времени указывая на что-то и изображая лицом риторический вопрос. Мария Кирилловна скорбно кивала.

Наконец кардиолог задумчиво произнесла:

– Из области фантастики...

– Что и не снилось нашим мудрецам... – подхватила Мария Кирилловна.

– Сегодня лежать и резких движений не делать, – вынесла

она наконец приговор, — а завтра еще посмотрю.

— А как мой ребенок?.. — осмелилась спросить Галя.

— Кажется, все в порядке, — ласково погладила ее по голове Мария Кирилловна. — К тебе скоро зайдет педиатр и все расскажет. Но там вроде никаких проблем нет. Здоровый мальчишка!

Вошла сестра с обедом, приподняла изголовье, укрепила на коленях столик, и Галя поела с неожиданно проснувшимся аппетитом.

Силы возвращались с каждым часом. Уже на следующий день Эмилия Марковна, с сомнением качая головой, разрешила ей эксперимента ради встать с койки и пройтись по палате в обнимку с сестрой. После этого опять долго слушала Галино сердце, прикрыв глаза.

А еще через день Галю перевезли на каталке в общую палату.

Палата была большая, на двенадцать коек. Мама, весело болтая, сидели в косыночках и марлевых повязках. Едва успела Галя улечься, как в коридоре послышался целый хор младенческих голосишек и металлический лязг каталки.

Дверь распахнулась, стройная девица в голубом комбинезончике и ослепительно-белой марлевой повязке, излучая свежесть, внесла первый кричащий пакетик, из которого светила красная лысенькая макушка. Скользнула взглядом по номерам кроватей, процокала туфельками по кафелю, аккуратно вручила сокровище и пошла за следующим кричащим

пакетиком.

Раздав все, взглянула на Галю:

– Какой номер? На следующее кормление принесем.

Галя лежала, глядя на соседок, погруженных в святую работу, и украдкой трогала свою грудь – совсем пусто. Это пугало ее. Что же это за мама, если сына не сможет накормить?

– А когда следующее кормление? – тихо спросила она у соседки, когда сытых, блаженно дремлющих младенцев забрала сияющая девушка в маске.

– В 16:30, – улыбнулась ей соседка, сцеживая молоко. Оно звонкими струйками било в маленькую кастрюлечку, выданную сестрой.

– Ой, Люсь, как здорово у тебя! Прямо как корову доишь! – восхищались вокруг.

А Люся добродушно улыбалась всем:

– И у вас так будет через денек.

Галя глаз с нее не сводила – такая была приятная эта Люся. Время от времени она поднимала голову и встречалась с Галей взглядом, ничуть не вызывая неловкости. Что могло быть лучше, чем смотреть друг на друга и улыбаться?

Закончив доить свою грудь, Люся глубоко вздохнула, расправляя затекшие плечи и спину, обтерлась, надела халат и с аппетитом выпила чашку чая, забелив его сгущенкой. Потом с удовольствием прилегла на койку, подперев рукой голову, и посмотрела на Галю тем же простым и теплым взглядом.

– У тебя первый?

– Первый, – ответила Галя с радостью.

– А у меня третий, мальчишка, – проговорила Люся.

Опять взглянула она на Галю как на давнюю подружку. И так радостно стало Гале, что у них обеих мальчишки, только у Гали первый, а у Люси уже третий.

– Ты сегодня родила?

– Нет. Я пять суток в реанимации была.

И в ответ на безмолвный вопрос на Люсином лице Галя тут же рассказала своих приключениях.

Люся слушала серьезно и внимательно, а под конец даже прослезилась, узнав, что у Гали больше детей не будет.

– Вот оно как! А я здорова, как корова, и рожать мне, наверное, до старости. Не помогают предохранения – и все тут.

Люся легко поднялась с койки, подошла к окну и распахнула настежь.

– Ух, хорошо после дождичка, дышится легко. А сирень-то в этом году какая!

– Га-а-аля! Га-а-аля! – послышался из окна родной голос.

Галя заволновалась, сбросила одеяло, сразу покрывшись испариной от резкого движения, и сползла с кровати.

– Здесь она, здесь! – крикнула Люся во двор. – Сейчас подойдет.

В момент оказалась рядом, подхватила Галю и чуть не поднесла к окну на сильных руках.

– Коля!..

– Галчонок!..

Галя хотела крикнуть ему, что все у нее в порядке, но голос был такой слабый, что Коля только руками замахал:

– Не кричи, не кричи! Вижу, на ногах стоишь. Ну и хорошо. Посылки наши получишь – кушай побольше. Слышишь? За себя и за Сашу, без капризов.

Он говорил и говорил. Его голос эхом разносился по двору, отзываясь с крыш. Галя смотрела в его запрокинутое лицо и своими близорукими глазами с третьего этажа видела, как слезы набухают в его глазах и медленно ползут по ложбинкам вдоль носа. Она улыбалась ему дрожащими губами, хлюпала и кивала. Потом смотрела вслед, пока он, в последний раз махнув, не скрылся за углом. Когда она, вытирая слезы, доковыляла до койки, Люся вдруг спросила:

– Что-то лицо знакомое. Как твоего мужа звать? Может, Коля Морозов? Правда? Вот это да! Мы же с твоим мужем одноклассники. В третьем классе за одной партой сидели. Я была растеряха и рева. Как звонок на урок – так мне чего-нибудь не найти: то ручки нет, то карандаша, то линейки. Я сразу реветь. А у Коли твоего всегда все было запасное и всегда в полном порядке. Так он ко мне, бывало, повернется, взглянет так снисходительно: чего, мол, сегодня потеряла? И тут же из портфеля вынет, карандаш там, линейку, – и в руку сунет, чтобы не редела. А урок закончится – обратно заберет.

Все девчонки в него влюблялись – и я тоже!.. Записки ему в карманы совали, в портфель, в учебники. Некоторые даже

подписывались. А он прочитает, брови поднимет и в урну выбросит. А потом уже, не читая, выбрасывал – такое вот мы были пустое место для него. Только если кто-то плачет, он – смешно так – подойдет, спросит, в чем дело, и по голове погладит. Мы друг друга так и утешали: ничего, вот Морозов по головушке погладит – и все пройдет.

Галя слушала, удивлялась, смеялась, а время незаметно подобралось к следующему кормлению. Люся объяснила ей, что куда надеть и завязать, помогла расстелить на койке пеленку и ловко пристроила Гале под голову подушку:

– Вот так будет хорошо тебе, очень удобно.

И вот опять появилась в распахнутых дверях стерильная девушка, обвела взглядом палату и понесла белый тугой сверточек прямо к Гале:

– У вас первый? И кормление первое? Так! Руку сюда. Сжимаете сосок и вот так, пирожком, вкладываете ему в рот. Взял? Ну-ну-ну... Взял! Все хорошо, кормите.

Галя млела, счастливая, рассматривая чудесное личико своего сына: крутой круглый лобик, мягкую пуговку носа, щекочущего ее грудь, прикрытые в истоме глаза. Любовалась она мягким пушком на розовом темечке и изнывала от желания прижаться к нему губами, обнять крепко-крепко, чтобы он вновь стал частью ее самой.

А малыш вдруг оторвался от груди, подремал несколько минут, потом беспокойно завертел головкой, с видимым трудом разлепил крепко сжатые веки и сердито пискнул. Галя

испуганно сунула сосок ему в рот, как учили, пирожком. Он сразу успокоился. Разгладилась нежная кожица, сонно опустились тяжелые веки: «Слава богу, ты здесь, никуда не пропала!».

3. В ожидании

Странное дело, ведь прожил один, без Гали, семь месяцев с лишним, ведь терпел худо-бедно. А эти три недели достались ему тяжелее всего.

Первые два дня Коля приходил в себя от пережитого. Там, на проспекте Добролюбова, ему хотелось зажмуриться – такой ясной была в памяти белая ночь, когда он оплакивал свою Галю. А потом смеялся посреди улицы при всем честном народе. Галя! Жива! И сын!

А неделю спустя Коля хоронил бабушку Киру.

В морге кроме Альбины, Анатолия и мамы Светы были еще три пожилые заплаканные женщины и двое серьезных мужчин, молодой и старый.

Альбина, увидев Колю, зло сверкнула глазами. Такая уж у нее была манера – злиться на весь мир, когда хочется плакать. А Анатолий шагнул к Коле навстречу, притянул к себе за шею и на секунду прижался лбом к Колиному виску.

Бабушка Кира в гробу была совсем не та, совсем незнакомая. Это остро-угловатое желтое лицо имело так же мало сходства с милой старушкой, как мало общего у кучи старой одежды с человеком, ее сбросившим.

«Это не она», – думал Коля, глядя в глубоко запавшие под бурыми веками глаза.

А в душе расцветала ее чудесная улыбка: «Конечно, это

не я. Я же у тебя в душе, а не в этом деревянном ящике».

На кладбище долго стояли, держась под руки, у свежей могилы, потом отправились к машине.

– Галя не знает? – спросил у Коли Анатолий. – Правильно. Подольше ей не говори...

– А я сказала! Вчера! Она мне вечером позвонила, я и сказала, что сегодня хороним. Я думала, она знает... – в недоумении вскинула брови мама Аля.

Все четверо остановились. У Коли так зарябило в глазах, что пришлось зажмуриться. Папа Толя напряженно искал глазами что-то в свежей июньской траве. А мама Света, заботливо поддерживавшая под локоть маму Алю, слегка привалилась к Колиному плечу.

Вечером позвонила Галя. Голосок ее дрожал и прерывался.

– Коля, ты был на кладбище? Попроси у папы фотографию, я там у нее на коленях... Папа знает... Он привезет. Ладно?

– Галя, Галенька, ты держись, слышишь? Тебе нельзя...

– Я держусь... держусь...

Еще через пару дней, вечером, когда Коля, вернувшись от Гали, прикручивал винты Сашиной кровати, пахнувшей деревом и лаком, соседка позвала его к телефону.

– Это Коля Морозов? Привет, одноклассник. Мы с тобой с первого по восьмой учились вместе. Люся Головкина, помнишь?

– А-а-а... да-а-а... Помню, Люся, да...

– Ха-ха-ха, врешь, небось, не помнишь! Ладно, не тужься, не в этом дело. Я с твоей женой в роддоме познакомилась. Бок о бок лежали. Я сегодня выписалась. Да, спасибо... Мальчик... Третий... Спасибо, спасибо. Так вот что. Мы ведь с тобой еще и живем рядом. В 38-м доме, квартира 72-я. Прямо через двор. И как я тебя во дворе раньше не видела? Коль, мы люди уж опытные. Нужно что-нибудь – приходи в любое время дня и ночи. Понял? Не за что. Телефон мой запиши. Записываешь?

Коля, улыбаясь, записал.

– Когда выписываться будет, позвони. Муж у меня таксист – встретит на машине. Ну давай, одноклассник, звони, не стесняйся.

Коля бегал по магазинам, покупал фрукты и соки для Гали, пеленки и распашонки для Саши. Потом, посмотрев со двора на бледное Галино личико в окне третьего этажа, шел домой, нехотя ел, потом ставил любимые Галины пластинки и под Баха и Вивальди раскладывал на столе купленные за день сокровища.

Брал в руки и Галину Библию. Листал, заставлял себя вчитываться – и не мог. Это было совсем не то, что испытал он в ту страшную белую ночь. Это были чужие древние слова, неправдоподобные события, не то, все не то. Бог, спасший для него Галю, не имел с этим ничего общего. Но и то, что

было пережито, уже растерялось в повседневной суете. Коля грустно прислушивался и не находил в себе того откровения.

«Прости меня, – говорил он мысленно с Богом. – Все мы такие, подлецы. Как плохо нам – так помоги, Боженька! Как стало хорошо – так и забыл!»

Появилась однажды на пороге мама Аля. Прошла в комнату решительно, как в свой кабинет.

– Н-ну, как ты тут один поживаешь? Все уже готово? Кровать стоит, так. Манеж где будет? Ну-ну, местечко светлое. Вообще комната прекрасная. Я всю жизнь мечтала жить вот так, скромненько, в одной комнатке, обмывать ее, как игрушечку, протирать, вылизывать.

Альбина обвела глазами потемневшие углы потолка и, как будто машинально, провела пальцем по крыше бельевого шкафа. Коля с облегчением вспомнил, что вчера, убирая на шкаф коробку с инструментом, он стер заодно и накопившуюся пыль.

Но мама Аля, взглянув мельком на свой палец, продолжала оглядываться, будто что-то искала.

Коля расставил на столе чашки и ушел на кухню за чайником. Когда вернулся, Альбина уже рылась на полке с Галиным бельем и озабоченно бормотала:

– Неряха... Мучение мое, всю жизнь... Все комком, все кое-как... Трусы с сорочками. А это что? Это разве Галин лифчик?

– Галин, конечно, – удивленно отозвался Коля.

– Хм... Не ее размер... вроде... А постирано плохо. Хм!..

– Вам чай покрепче или не очень? А сахару сколько? – зывал к ней Коля, но Альбина успокоилась не сразу. Затолкала на полку Галино белье, погромела деревянными вешалками на перекладине, гневно захлопнула шкаф, уж тогда села за стол и милостиво поднесла бутерброд ко рту.

– Ну не знаю, не знаю я, как Галина справится!.. Может быть, вам пожить со мной первые месяцы? Хотя это страшно неудобно: я сейчас печатаю отчет. У самой в ушах звенит, а тут еще и ребенок будет. Но если нужно, я пойду на все. Ты же знаешь, я такая безумная мать: ради Галины – что угодно!

– Что вы! Что вы! – испугался Коля. – Справимся как-нибудь, привыкнем...

– Ну смотрите!

Альбина клюнула его на прощание холодными губами, и каблук ее загремел по лестнице.

Желанный день все приближался и приближался. И вот он у порога!

Накануне Коля долго выпрашивал Гаю:

– Ничего мы с тобой не забыли? Вспомни, может, еще что-то взять? А может, тебе не синее платье, а лучше в клеточку, то, новое?

Галя, веселая, порозовевшая, кричала ему с третьего этажа:

– Да хоть какое! Хоть в бумажку заверни, только бы домой поскорей!

Поднес Коля цветы Марии Кирилловне, с трудом упростав, чтобы пропустили к ней в кабинет. Она приветливо покивала Коле и еще раз повторила о всяких предосторожностях: тяжелого не поднимать, принимать выписанные лекарства, через неделю показаться кардиологу, питаться хорошо, гулять много...

– И не жить! Только через три месяца и только с моего разрешения! – строго погрозила она пальцем.

– А все-таки... Больше у нас не будет детей?

– Я же вам уже говорила, – сдвинула брови Мария Кирилловна.

– А вдруг чудо случится? – жалобно улыбнулся Коля.

Мария Кирилловна, смягчившись, похлопала его по руке:

– Дорогой мой, всяким чудесам предел есть. Мы же Галину утробу буквально по лоскуткам собирали. То, что от нее осталось. Не думайте больше об этом. Идите с Богом.

Коля стоял перед дверью. Рядом, чуть позади, застыли, взявшись под руки, Альбина и Анатолий. Так, наверное, стояли они двадцать пять лет назад на своем торжественном бракосочетании. За ними две милые барышни держат под руки мамушку Свету. Кому теперь придет в голову назвать этих двух красавиц кукарямбами? Только старшему брату.

За дверью заливались младенческие голосишки, готовясь предстать перед папками, бабками, дедками, тетками, дядь-

ками и прочей родней. Время от времени дверь открывалась, выпуская очередного жителя этого мира.

– Галина, конечно, последняя! – у Альбины и тут нашелся повод поворчать.

Ну вот и Галя!

А девушка в белом несет Что-то, туго затянутое в пеленки и одеяла.

Коля, задохнувшись, принимает Это на руки и тут же ощущает тепло сквозь толщу пеленок. Кружевной уголок закрывает личико, одна лишь голубая пустышка маячит сквозь ажурную ткань. Коля подбородком отодвигает ее и видит плотно сомкнутые веки, розовую пуговку носика. Спит, дышит. И пахнет тонко-тонко, нежно-нежно. Сынок...

4. Талант

Талантливый человек талантлив в любом возрасте. Главное, чтобы ценили. А у Саши Морозова был такой избранный круг – ценители на любой вкус.

Мама – ценитель неискушенный, наивный и доверчивый.

Папа – ценитель-сноб, знающий толк и выдавший виды.

И просто толпа восторженных фанатов. Баба Лида с бабой Тоней – эти всегда рядом, каждую минуту готовы ценить талант. Ну и рыжий Барсик с ними заодно.

А еще бабуленька Света. Она часто-часто в гости приходит и приносит много вкусного.

А еще Бабаля – она пореже приходит и приносит книжки с картинками, от нее еще очень громко пахнет по всей квартире. А еще деда Толя, хороший такой, как Дед Мороз, с бородой. А еще две одинаковые тетки – Даша и Таша.

И для этой толпы фанатов у Саши всегда есть наготове шедевры. Если что-то быстренькое, наспех, то можно ограничиться халтурой вроде ламбады. Номер дешевый, но беспроегрышный, публика визжит и плачет.

Или можно взять в кулак клизму и петь в этот микрофон на очень иностранных языках, время от времени взрывая: «Атас!».

Но самый лучший номер, высший пилотаж, Саша прибегает для избранных. Тут важно правильно выбрать момент

и не спешить, а то весь эффект насмарку.

Вот пришел наконец папа с работы, поужинал и сел к телевизору. Скорее к нему на колени. Он такой большой, твердый и теплый, как печка. Так бы и подремал у него на плече, но надо ждать маму, которая, как всегда, возится на кухне. Погоди, папа, сейчас она догремит там своей посудой – и начнем. Саша лукаво заглядывает папе в лицо. Папа опускает глаза, подмигивает сыну – и опять в телевизор.

Там, в телевизоре, по очереди выходят к микрофону существа бездари, даже петать не умеют, только говорят, кричат и иногда плачут. А однажды даже подрались. Одним словом, депутаты.

Только один Саше понравился. Выступал когда-то, в старые времена, может, полгода назад, а может, и того больше, когда Саша еще плохо говорил. Этот талантливый человек красиво выбрасывал вперед руку и кричал: «Я требую внести поправку в Конституцию!». Поговорит, поговорит, опять рукой махнет и снова: «Я требую поправку!..». И папе с мамой он нравился. Они молча переглядывались, улыбались и качали головами: ай да молодец!

Саша только пробовал тогда свои силы в искусстве. Он тоже взмахивал рукой и кричал что есть мочи: «Я тебе покажу!». Но его понимали неправильно и сажали на горшок.

Сейчас дело другое, замысел всегда удастся воплотить в жизнь.

Ага, вот и мама. Внимание! Приготовились!

Мама снимает передник, вешает на гвоздик у двери и садится рядышком, к папиному плечу. Пора!

Теперь самым мерзким голосом надо потребовать что-нибудь запретное. Что бы такое?

– Хотю тясы!

– Часы? Сашенька, нельзя часы, – рассеянно откликается мама, не отрываясь от телевизора.

Клюнуло. Теперь еще погромче и померзостнее.

– Хотю-у тясы-ы!

– Саша!

– Дай тясы!

Саша сползает с папиных колен, решительно (тут главное – быстрота и натиск!) двигает стул к серванту. Раз-раз – и он уже тянет руку к часам, но не берет их, а застывает с протянутой рукой, оглядываясь на родителей. Мама вскакивает с дивана, а папа, оторвавшись от экрана, смотрит на Сашу с ироническим любопытством.

– Саша, нельзя!

Мама снимает Сашу со стула и закрывает дверцу серванта.

Ага-а-а! Попалась! Ну держись!

И Саша, схватившись обеими руками за грудь и подогнув ножки, умело валится на пол, перекачивается на спину и застывает в живописной позе. А лицо-то, лицо! Это надо видеть! Тонкие темные бровки скорбно поднялись, рот чуть-чуть приоткрыт. И легкий, терзающий душу стон.

– Сашенька! Сыночек! Встань!

Мама чуть не плачет, хватает Сашу на руки, нежно прижимает к себе и целует, целует.

А папа усмехается и аплодирует:

– Браво, браво! Артист!

Мама молчит, только еще крепче обнимает Сашу. И Саша доволен – это тоже аплодисменты, это тоже признание.

И вдруг однажды случается неожиданное.

В ответ на папину усмешку мама, прижимая к себе Сашу, тихо произносит:

– Почему ты смеешься? Это жестоко. Он страдает, посмотри.

– Да где же страдает? Вон какая рожа довольная, – отзывается папа очень спокойно.

– Ты его не любишь! Ему плохо с тобой! – вдруг вскрикивает мама так страшно, что Саша, испуганный, слезает с маминых колен.

– Да ты что говоришь! – папин голос становится злым. – Он, если хочешь знать, сидел у меня спокойно. А ты появилась – сразу начался концерт. Это с тобой ему плохо!

Мама отходит от них, ложится на кровать лицом к стене, и Саша видит, как дрожат ее плечи.

И вдруг мгновенной вспышкой озарило сознание: дрожат плечи – мама плачет.

Новая вспышка слепит и обжигает все внутри: мама плачет – маме больно! Больно! Кто больно сделал?

И вдруг начала раскручиваться целая жгучая лента. Папа сказал – маме больно. Мама кричит – папа сказал. Мама кричала – ей было больно! Папа смеялся – маме стало больно, и она закричала. Папа виноват?

Все ближе, все яснее надвигается что-то огромное, непривычное сквозь путаницу коротеньких мыслей маленького человека.

Саша падал на пол – папа смеялся. Саша падал на пол – мама поднимала и обнимала. Саша падал – мама жалела – папа смеялся.

Бьются, стучат в голове беспомощные, куцые мысли. Все ближе и ближе огромное, холодок по коже в преддверии его появления.

Мама жалела – мама плакала – маме было больно. Мама плакала, потому что жалела Сашу. А Саше не больно – маме больно. Это Саша упал и сделал маме больно. Саша сделал маме больно! Саша виноват!

Вот оно и пришло, Огромное, Новое, Незнакомое!

В великом смятении оглянулся Саша на папу и тут же увидел ранее скрытое. Папа смотрел на маму смущенно и растерянно. Он тоже был виноват! И, сраженный своим открытием, Саша бросился к маме на кровать и заревел так отчаянно, как два года назад в миг своего рождения:

– Ма-а-а! Не буду!.. Не буду!.. Не буду!..

5. Плохая мать

Галя лежала без сна, глядя на Сашину кроватку, прислушиваясь к его хриплому дыханию. Рядом посапывал Коля, но это не мешало ей вслушиваться в Сашины хрипы.

Заснуть она не пыталась – незачем. Через минуту-другую закашляется Саша, проснется и заплачет. Судя по частому неровному дыханию, температура поднялась высокая. Тогда Галя возьмет его на руки, Саша обнимет ее горячими ручками за шею, положит тяжелую больную головушку ей на плечо. И будут они так ходить, ходить, ходить по комнате, чтобы Саша не плакал и не будил Колю. Коле утром на работу, голова должна быть свежая – он начальник.

Потом она почувствует, что Сашина кожа стала влажной, – это температура падает. Дышать ему станет легче, и он мирно уснет у нее на плече.

Тогда она, обессиленная, положит Сашу в кроватку, постоит с минуту рядом, прислушиваясь к дыханию, неслышно скользнет по старому скрипучему паркету и наконец ляжет, быстрым точным движением приняв удобное положение. Саша не услышит, Коля не почувствует.

Но все это мелочи, все это мелочи. Главное то, что она плохая мать. И всегда была плохой, с первых же месяцев, когда после нескольких бессонных ночей она упала с Сашей на руках посреди комнаты. Пришла в себя сразу же, как только

раздался Сашин крик. Ничего не случилось с ним, нигде не ударился, на груди у нее лежал. Но она так испугалась, что те ничтожные пятьдесят граммов молока, которые можно было добыть из ее груди, исчезли бесследно.

Тогда, прибежав из кухни на Сашин плач, Коля в первый раз на нее накричал. Что именно он ей крикнул, Галя и не поняла, так потрясло ее то, что этот страшный голос и злое лицо – все это ей!

После этого Коля быстро вышел за дверь, а она осталась сидеть как сидела, только внутри болело что-то большое и черное. Через несколько минут Коля вернулся. Целовал, обнимал, успокаивал. Большое и черное с мукой лопнуло и излилось потоком Галиных слез.

Она, конечно, и не думала на него обижаться. Нет. Никогда и ни за что! У него был тогда такой тяжелый период, оставалась неделя до защиты диссертации. Он очень волновался, худел и мучился от головных болей. А по ночам ему не давал спать Саша. Разве можно обижаться?

Да к тому же он был прав! Какая же она мать, если позволила себе падать с ребенком на руках. Нужно было прислониться к стенке, уж шаг-то могла бы, наверное, сделать. Потом надо было сползти по стене на пол, убедиться, что Саша лежит надежно, и уж дальше заваливаться в обморок сколько угодно. Может, молоко и не пропало бы...

И с этого дня Галя почувствовала, что перестала быть для Коли любимой женой, а стала плохой матерью его сына.

Он возвращался с работы, входил в комнату, и Галя читала на его лице: «Ну что ты еще натворила сегодня?».

Он сердился, когда у Саши болел животик: «Вспоминай, чем ты его накормила!».

Он сердился, когда Саша капризничал и тер кулачком десны:

– Что-то там болит. Сунул, наверное, грязную игрушку в рот. Мыть надо игрушки, мыть! Поняла?

Горькой мукой обернулся для Гали первый Сашин год.

В конце мая Коля отвез их на дачу, на ту, где Гале было так хорошо с бабушкой Кирой. Она незримо жила там. Стояли ее вещи, висели вышитые ею коврики, связанные ею салфетки, пахло сухим шиповником. Бабушка летом собирала облетающие лепестки, сушила и зашивала в маленькие подушечки. Весь маленький домик дышал этим ароматом, будто улыбался бабушкиной светлой улыбкой.

Так прожили они с Сашей и с незримой бабушкой Кирой на даче все лето. В пятницу вечером Коля приезжал, в воскресенье вечером уезжал. Саша не слезал с Колиных рук, не отпускал его ни на шаг и страшно капризничал.

Галя ждала Колю сперва с любовью и тоской. Но вдруг однажды, чистя песком кастрюльку из-под сгоревшей каши, за которую Коля называл ее чудовищем, она поймала себя на мысли, что до вечернего Колиного поезда еще шесть часов. И тогда наступит покой... И счастье... Ее и Сашенькино. Больше ничье.

Испугалась своей мысли, устыдилась, запретила себе так думать. Но помимо воли была счастлива теперь своим одиночеством с понедельника по пятницу. А Саша заглядывал ей в глаза, прижимался ротиком к ее лицу, такой спокойный, такой умиротворенный, будто тоже был рад, что больше никого рядом нет.

Все сильнее хрипит и клокочет в Сашиной груди. Галя осторожно садится на постели.

Ну вот, закашлялся, заворочался, жалобно заплакал. Галя взяла Сашу на руки. Так и есть, горячий-горячий! Да, конечно, она – плохая мать. А Коля – хороший отец. Она не должна была заправлять Саше рейтузы в сапожки. Ей не пришло в голову, что Коля поведет Сашу по сугробам. Нет, конечно, не Коля Сашу вел, а наоборот. Потому что Саша всегда идет своим путем и ведет за собой окружающих.

Это Саша повел Колю по сугробам. Снег попал в сапожки, и теперь Саша болен. А она – плохая мать.

Коля так сказал ей сегодня.

– Саша, кажется, заболел, – этим Галя встретила его дома.

– Та-а-ак, – сердито протянул Коля. – Ну и как же ты его простудила?

– Я не простудила, – робко отозвалась она. – Это, наверно, после вчерашней прогулки. У него снег в сапожках был.

Коля раздраженно оторвался от тарелки с супом:

– А у хорошей матери ребенок одет на прогулку надежно.

Рейтузы надо было поверх сапог, навывпуск, тогда бы снег не набился. Разве не ясно? Тебе все надо подсказывать.

Он опять принялся за еду, опустив глаза в тарелку. Затем нарочито вскользь глянул, увидел Галино лицо в слезах и заметно повеселел:

– Суп вкусный. Наконец-то научилась готовить. А что там на второе?

Саша наконец успокоился на Галиных руках. На лбу выступили капельки пота, и Галя тихо стирает их своей щекой.

Часто он болеет, очень часто. И капризный такой, изнеженный. Нельзя его в ясельную группу, хотя он и умница, и одевается сам, и чисто говорит. Но нельзя. Коля, конечно, прав, как всегда.

И хорошо, что она уволилась с работы и сидит теперь дома. Завтра они останутся вдвоем, прижмутся друг к другу, перечитают все любимые книжки, и к вечеру Саша поправится.

6. Николай Николаевич

Коля впервые в жизни был так собой доволен. Все успел, всего достиг.

Ему тридцать два, это совсем немного. Это раньше казалось, что если за тридцать, уж и старость начинается! Смешно! Он еще так строен и вроде даже красив, что в метро на него заглядываются молоденькие девчонки. Но он гордо поворачивает руку на поручне вагона, чтобы обручальное кольцо было на виду: нечего пялиться, ищите себе молодых охламонов.

На работе он давно уже Николай Николаевич.

С тех пор как четыре года назад его группа сделала хороший прибор, за который все получили приличную премию.

С тех пор как два года назад на данных этого прибора он защитил диссертацию.

С тех пор как полтора года назад он стал начальником группы. И все теперь знают, что через три года уйдет на пенсию нынешний начальник лаборатории, и Морозов, пожалуйста, займет его место.

В группе Николая Николаевича Морозова четверо подчиненных. Прежде всего, приятель Андрей, потолстевший, растерявший кудри и уже второй раз женатый. Он называет Колю Николаичем, рассказывает свежие анекдоты и сам хочет громче всех. Коля по-прежнему зовет его Андрюхой и

посмеивается над его разлапистой бородой, в которой вечно хранятся остатки столовского обеда.

Еще в группе Николая Николаевича Морозова есть пожилой Петр Евгеньевич, которого он очень почитает за великую аккуратность и трудолюбие. Взял себе за правило советоваться с ним в практических вопросах и в этом не прогадал. Зато и Петр Евгеньевич полюбил своего молодого начальника от всей души. Может, с ним раньше никто не догадывался посоветоваться?

А еще в группе два молодых специалиста. Парень Юра, в руках которого горит все, что может перегореть, и лопается все, что может лопнуть. Все прочее просто с грохотом падает. И девочка Алина, к которой Коля старался лишний раз не приближаться. Она, бедненькая, краснела, бледнела, все теряла и чуть не плакала от страха перед ним. В конце концов Коля приспособился общаться с ней через Петра Евгеньевича, и дело потихоньку пошло на лад.

Едет Николай Николаевич утром на работу в вагоне метро и с удовольствием вспоминает, что Петр Евгеньевич сделал вчера прекрасный узел – произведение искусства. Сделать бы фото – и в рамку, в красный угол, как икону, да нельзя, совсекретно! Коля вчера всю лабораторию пригласил любоваться, а Петр Евгеньевич растроганно похлопывал его по рукаву.

А Юрка вчера благополучно доработал без замыканий и взрывов, только провода пережег – ну это святое дело! А у

Андрюхи появились интересные сигналы – есть над чем подумать! Какой прекрасный будет день!

Входит Николай Николаевич Морозов в лабораторию. Петр Евгеньевич и Алина уже на месте, сидят рядышком и воркуют, как дед с внучкой.

– Доброе утро, Петр Евгеньевич, Алина, здравствуй.

– ...астуйть... – шелестит Алина, пламенея от застенчивости.

– Здравствуйте, Николай Николаевич, – приветствует его Петр Евгеньевич чуть не с поклоном.

– Здравствуйте! – на пороге Андрюха. – Николаич, к стопам припадаю, десятку до получки!

– Бороду сбреешь – дам!

– На святыни покушаешься, тиран и деспот! – свирепо замахивается Андрюха.

– Да ты хоть отожми свою мочалку, – дразнит Коля. – Смотри, льет с нее. Небось, целый сугроб на бороде принес!

Их дружеские забавы прерывает Юрчик. Он врывается в лабораторию так отчаянно, что дверь ходит ходуном. От сотрясения падает тяжелая металлическая рейка, стоящая в углу за дверью без движения лет тридцать, зацепляет провод осциллографа, отключает его из сети и наконец доверчиво опускается прямо в протянутые Колины руки.

Разъяренная хозяйка осциллографа, Марина Павловна из соседней группы, вскакивает и кричит:

– Николай Николаевич, уймите ваше зверье!

– Прошу прощения! – кланяется в пояс Коля. – Завтра куплю ему ошейник с поводком.

– И намордник, – ворчит Марина Павловна, заново настраивая свои приборы.

Вот так бодренько начинается рабочий день!

А дальше все так хорошо, так разумно и деловито! Сначала усадить Юрку заменять пережатые провода и перепаивать заново всю плату. Мимоходом взглянуть через плечо на Алинину работу и покивать за ее спиной Петру Евгеньевичу – все прекрасно. Если Алину не пугать, то ее плата будет работать.

Потом до самого обеда сидеть втроем плечом к плечу с Андреем и Петром Евгеньевичем и обсуждать очередной узел.

И так весь день: поругать Юрку, похвалить Алину, похлопать по брюшку Андрюху, посоветоваться с Петром Евгеньевичем. И наконец к любимому столу, где дожидается десятый вариант хитрого узла. Дожидается и подмигивает с чертежа, на скорую руку набросанного: что, мол, институт кончил, диссертацию защитил, так, думаешь, меня легко раскусить? Ничего, ничего, получишься, никуда не денешься, и не такие получались!

А какие люди вокруг славные! Как работать приятно с ними бок о бок!

– Николай Николаевич, как сынок? – интересуются в перерыве семейные сотрудники, обсудив сперва своих детей и

внуков.

– Талант! – гордо отвечает Коля. – Артист больших и малых академических театров.

– Как супруга поживает? – лукаво ухмыляется Андрей.

Лукавит он так, по привычке. О прекрасной половине человечества Андрюха говорит только с подмигиванием.

– Все в порядке. Здорова.

– Это хорошо, что здорова. Больно уж она воздушная у тебя. Аж страшно. И утонченность такая рафинированная, м-м-м! С такой женой жить – что из хрустальной вазы щи хлебать.

Андрюха аппетитно причмокивает эти слова вместе с куском хлеба, которым только что подобрал подливку с тарелки.

Коля в душе морщится, но терпит. Андрей-то на самом деле не хочет Галю обидеть. Ему просто надо поговорить о своей новой жене.

– Это фашисты, что ли, объявили... ну как это... для женщин-то... Кухня, церковь, дети – кирхен, киндер и... кухня. А чего, очень правильно, по-моему. Бабе образование только во вред, ей-богу. Вот Татьяна у меня, ну всем хороша была. И хозяйка, и мать, и на вид очень даже – ты же помнишь... Но ведь умучила меня, уела: «Ах, ты ничего не читаешь! А ты Хейли прочел? А ты Олдриджа прочел? Читай – все прочли, а ты нет!». Да мать честная! Это я восемь часов у приборов торчу, в глазах все пятнами прыгает – и еще чего-то читать буду? «Ах, пойдем на Тарковского!» «Зеркало!» Ну

и что? И сходили! Бред! У меня чуть крыша не поехала. А она мне: «Ничего не понимаешь!» Объяснять пустилась. Да на хрена мне все это? Чтобы баба мне что-то объясняла? Я в электронике понимаю, в приборах – как Бог! – все насквозь вижу. На кой мне эти мастера-маргариты с зеркалами?

Андрей сердито булькает, развалившись на твердом кожаном диванчике в коридоре. А Коля в который раз с удивлением вспоминает, что это тот самый Андрей, который еще семь лет назад поминутно взрывался самыми удивительными идеями: и бредовыми, и толковыми.

Это тот Андрей, который влюбился в свою Татьяну на вечере студенческой самодеятельности, услышав, как она поет со сцены: «Мой голос для тебя и ласковый, и томный».

Тот самый Андрей, который мечтал изучить французский, чтобы читать Бодлера в подлиннике.

– А сейчас у меня жена – во! – такая, как надо. Читает чуть не по слогам, пишет – ошибок больше, чем букв. Но сдачу в магазине сосчитает мигом, быстрее меня. А больше ничего и не надо. Зато дома все сверкает. В любое время суток стол от еды ломится. Среди ночи ее разбуди: «Ирка, есть хочу». – «Щас, мигом», – как пожарный. Я только башку с подушки подымаю, а она уже из кухни кричит: тебе, мол, в постельку принести? Во какая!

Андрей говорит и говорит. Какое-то смутное упорство в его глазах, и чем дальше, тем упорнее. Будто доказывает что-

то кому-то...

– Татьяна хотела, чтобы я бабой стал, юбку чтобы надел – посуду за собой мыть, холодильник размораживать, с ребенком гулять. Может, лифчики ей еще стирать? Я мужик! Мужик! Ирка это понимает, и я ее люблю. За это...

– Время! Регламент! – досадливо стучит Николай Николаевич по своим часам. – Выключай микрофон, спикер, пошли работать.

Тяжело стало на душе. Испортил Андрюха хороший день.

7. Кучеряшка

Приятно сознавать, что ты в чем-то лучше других. А если ты во всем лучше всех, тогда как? Наверное, приятно, если все соглашаются.

А вот папа морщится, когда Саша туманно намекает ему на свою исключительность.

Саша, конечно, не такой дурачок, чтобы брякнуть: «Я лучше всех». Папа так задразнит, что заревешь со стыда. Уж такой он, папа, не любит хвастунов. А разве это хвастовство? Это ведь так и есть.

Во-первых, Саша в своей подготовительной группе самый красивый. Красивее всех мальчишек и даже всех девчонок. Да-да, сколько раз себя в зеркало рассматривал. У Саши волосы светлые-светлые, как у мамы. Но у мамы прямые, а у Саши завиваются кудряшками, как у Бабали. И лицом на Бабалю похож, особенно нос. Пряменький такой и как будто острым карандашиком нарисованный. А рот неизвестно какой. Может, как у бабули Светы? А может, как у деда Толи? Только там под бородой не разберешь.

А глаза у Саши голубые, но не мамины. Форма другая. Как у папы. Это хорошо, потому что у папы есть взгляд. Все остальные просто смотрят и смотрят, глазами хлопают, а у папы получается взгляд. И Саша упорно экспериментирует перед зеркалом: морщит лоб то так, то этак, вздергивает тон-

кие брови и, наоборот, подбирает их к носу. Иногда папин взгляд вроде и получается.

Это очень важно, чтобы был взгляд, а то Сашу вечно за девочку принимают.

В Сашу влюблена вся девичья половина группы. С ним все стараются сесть рядышком на занятиях, ссорятся между собой, потому что всем хочется с ним играть на площадке. А одна нахалка тащит его за руку в кусты и там целует. Он ей несколько раз объяснял по-хорошему, что так делать нельзя, может ребенок родиться. Это им еще в прошлом году на занятиях объясняли. Конечно, там все сложнее, там много еще чего надо для этого сделать. Но вдруг?! Объяснял ведь ей, дура, а она лезет и лезет. Пришлось ей один раз хорошенько наподдать, только тогда отстала.

Но с девчонками все же интереснее. Можно с ними во все поиграть: и в мифы Древней Греции, и в космические приключения Алисы Селезневой, и в покемонов. А еще лучше собственную сказку придумать, интересную, многосерийную, с героями, принцессами, вампирами и колдунами. Девчонки тут же сюжет подхватывают, сразу воображают, что им говорить, и играют как заправские актрисы. С мальчишками так не поиграешь. Те только с автоматами друг за другом гоняются и орут: «Та-та-та-та-та! Кх-кх-кх!». Позор! Взрослые люди, в школу осенью идти, а они «кх-кх»!

Еще Саша – самый умный ребенок, и не только в подготовительной группе, но и во всем детском саду. Это и понятно:

не в младшей же группе умников искать!

Читать Саша научился в глубоком детстве. Может, даже года в четыре. А пришел в детский сад, в старшую группу, уже свободно читающим и считающим до сколько хотите, хоть до миллиона. Только это долго.

А еще он знает наизусть «Мертвую царевну», «Царя Салтана» и про золотую рыбку. А «Золотого петушка» – еще не всего, только отдельные места. Вообще всяких кусочков в Сашиной голове полным-полно, он уж и не знает, откуда они берутся.

А еще Саша рисует и карандашами, и фломастерами, и красками. А лепить любит только из глины: от пластилина руки противные. Глину приносит Саше деда Толя, настоящий художник. Он очень одобряет Сашины труды, а это дорогого стоит.

Недавно они с дедом сидели лицом к лицу и друг друга рисовали. Конечно, Саша у деды получился как живой, но и деду на Сашином рисунке тоже все узнали сразу.

Еще Саша играет на пианино. Бабаля уговаривала его идти учиться в музыкальную школу. Но это Саше ни к чему. Там нужно гаммы играть, упражнения и этюды всякие. Мама показывала, как это играть, но это скучно и неприятно слушать. А научился Саша просто сам, глядя на мамины руки, разучил с ее помощью несколько славных пьесок. А потом стал подбирать знакомые песни и аккорды к ним. И наконец сам сочинять научился.

Под Новый год поразил в детском саду музыкального работника Анну Семеновну, сыграл и спел собственную песню:

Звезды летят,
Звезды горят,
Звездочки с неба со мной говорят:
«Ты не скучай,
Ты не грусти,
Крылья расправь, вместе с нами лети!»

Вот какой этот удивительный, прекрасный, талантливый Саша! И папа, конечно, тоже так думает, только виду не подает, чтобы Саша не зазнавался.

Лишь один человек им не восхищается. И какой человек! Пусть бы все остальные про Сашу забыли, лишь бы он все-таки признал, что Саша – самый-самый-самый.

Этот человек – старший сын тети Люси, маминой подруги, у которой недавно родился пятый ребенок. Зовут этого старшего сына Павел. Он уже взрослый совсем, двенадцать лет ему. Там у них есть еще Аня, она в третьем классе, есть Тимошка, Сашин ровесник, они вместе в роддоме рождались, мама рассказывала.

Парень он хороший, но скучноватый. Все-то он делает как надо, и все-то ему нельзя.

Нельзя уйти со двора под арку: надо, чтобы его из окна всегда было видно. А если не будет видно? О-ой, что ты!.. Телевизор самому включать нельзя. Только если все будут

смотреть, а то много денег нагорает. Смешно, в телевизоре деньги, что ли, горят?

Что-нибудь вкусное самому съесть нельзя. Все вкусное у них Аня делит на четыре части и раздает. К примеру, есть у Саши две конфеты в кармане. Одну он, конечно, дает Тимошке, потому что одному есть невкусно. А Тимофеей ее, конфету, не в рот, а в карман кладет:

– Домой отнесу.

– Да ты что, ешь ее сам. Она же одна, как ее делить?

А Тимошка серьезно так:

– Ничего, Аня ножиком разрежет.

И вот все у него так – только как дома положено.

А еще у них есть четырехлетняя Наташенька. У нее глаза как рыбки с плавниками-ресничками, а цветом – как мед. Даже сладко на нее смотреть. Саша очень волнуется, встречаясь с ней, потому что мечтает лизнуть эти медовые глазки. Но это – страшная тайна!

Зимой у тети Люси родился еще Алешенька. Сейчас ему уже три месяца. Пока тетя Люся была в больнице, мама прямо жила у них в доме. Утром Саша с мамой шли к ним, чтобы забрать Тимошку и Наташу в детский сад. И, позвонив, слышали за дверью Наташин звонкий голосочек: «Аня, Аня, там Сашенька идет».

Проводит мама всех троих в группы и возвращается к старшим, Павлу и Ане, отправляет их в школу. А потом в доме у них прибирается, обед варит и уж тогда уходит, чтобы

поработать дома. А дядя Валера вечером заберет из садика всех троих и Сашу домой приведет.

– Спасибо, Валера, – улыбнется мама.

А он нахмурится и серьезным своим голосом ей:

– Что ты, Галя, тебе спасибо.

А потом тетя Люся привезла домой Алешу. Они с мамой долго обнимались, целовались, даже, кажется, немного поплакали. Больше мама уже не варила у тети Люси обеды. Но с тех пор так и повелось: утром мама и Саша заходят за Тимошкой и Наташей, а вечером дядя Валера приводит домой Сашу.

У Русаковых дома Саше очень нравится, там весело, хоть и очень тесно. И там Сашей тоже все восхищаются. Кроме Павла.

– Выпендрило! – презрительно хмыкает он на все Сашины старания.

И только однажды он похвалил.

Павел с дядей Валерой мастерили второй этаж над Тимошкиной кроватью, чтобы теперь внизу могла спать Наташа, а Тимошка – наверху. Он был счастлив, ему так хотелось смотреть на всех сверху, со своей кровати. Помогал усердно, подавая отцу шурупы и всякие нужные инструменты, названия которых Саша слышал впервые.

И вдруг к Саше обратился Павел:

– Ну-ка держи.

И Саша с радостью бросился на стоявшую торцом доску,

обняв ее обеими руками. Павел забивал в нее гвозди, и от каждого удара она дергалась то вправо, то влево, крепко била Сашу по рукам, но он держал ее изо всех сил, даже вспотел.

Ну вот, забит последний гвоздик, и Павел, взглянув на своего помощника, взъерошил ему волосы и похвалил:

– Молодец, Кучеряшка!

Дома вечером Саша предложил папе:

– Давай что-нибудь строить. Ты будешь строгать и пилить, а я тебе буду все подавать.

Папа оторвался от своих чертежей и взглянул на Сашу с любопытством.

– Ну и что будем строить? Предлагай!

Оглянулся Саша вокруг. Все у них есть: стол у папы, стол у мамы, стол у Саши. Шкафы для белья, сервант для посуды, стеллажи для книг. Даже пианино есть. Все есть.

А двухэтажная кровать им ни к чему, ведь Саша один. Всегда был и всегда будет.

8. Сашин кошмар

Галя сидит рядом с Сашиной кроватью. Думает. Или не думает. Просто отдыхает.

У Саши опять гостил во сне Кошмар, и кричал ее мальчик: «Нет!... Папа!... Не надо!...».

Опять «папа», опять «не надо». Все тот же сон, который он не хочет ей рассказать.

Вот уже год это с ним. Нет, полтора. С тех пор как Саша пришел в детский сад, в старшую группу.

А как они с Колей радовались, что их удивительный сын ходит в такой удивительный детский сад! У них там английский язык, у них хор и сольфеджио, у них собственный басейн и группа народного танца.

И еще экспериментальные занятия по половому воспитанию...

Галя, услышав об этом, удивилась и испугалась. Но Коля пришел в восторг:

– Вот это правильно! Вот это хорошо! Мне всегда так не хватало в этом деле грамотности. Пусть хоть сын у нас будет цивилизованным человеком.

После первого занятия Саша вечером за ужином радостно объявил родителям, что занятия у них вел... презерватив.

– Кто?! – похолодев, переспросила Галя. А Коля подавился бутербродом.

– Презерватив. Он весь такой резиновый и надувается, как шарик. Мы все надували. И он нам все рассказывал.

– Что... рассказывал?..

– А про себя. Как он защищает здоровье людей от СПИДа. Пап, ты мне купишь презерватив? А то как бы мне не заболеть.

Лица у мамы с папой застыли и вытянулись. Потом Коля усмехнулся и пробормотал: «Ну и ну». А Галя сделала серьезное лицо и принялась объяснять, что этот... презерватив... нужен взрослым. Это взрослые могут заболеть. А детям не нужно...

– Нет, мамочка, ты не знаешь, – проникновенно объявил Саша, – нам рассказали. Дети тоже могут. Так что, папа, купи.

Когда Саша удалился к игрушкам, Коля промолвил, глядя в свою чашку:

– А следующее занятие, наверное, будет «тампакс» вести... Весь такой пушистый...

Галя фыркнула и покраснела. Она до сих пор не могла привыкнуть говорить на эту тему вслух.

Года два назад реклама этого чудо-продукта появилась впервые на экране. Милая девушка с шаловливой улыбкой поведала миру, как замечательно этот «тампакс» располагается внутри ее тела и впитывает влагу. При этом она брезгливо морщилась в сторону прокладок, вылезающих наружу.

Галя сидела как оплеванная, смотрела в вызывающе пре-

лестное лицо девицы и боялась повернуться к мужу.

Но однажды Саша вернулся из детского садика очень суровый и молчаливый. Наотрез отказался от ужина, ушел в свою комнату и уткнулся в книгу.

– Нет. Ничего не хочу. Я читаю, – сдержанно отвечал он на все приставания.

Потом вдруг сам, раньше обычного, лег в постель и выключил свет.

Выйдя с Колей на кухню, Галя расплакалась:

– Ну что, что случилось?.. Случилось что-то... Заболел...

– Может, устал просто... успокойся. Завтра посмотрим.

Утро вечера мудренее.

Коля слегка обнял за плечи плачущую жену и коснулся губами серебрящегося виска, чего уже давно не делал. Галя прерывисто всхлипнула от благодарности и вдруг замерла:

– Ч-ч! Слышишь?

И удаляющийся топот босых ног по коридору.

Ночью усталая, взволнованная Галя начала наконец задремывать, но теперь шепнул Коля:

– Он стоит за дверью.

Оба затаив дыхание, с ужасом смотрели, как тихо, без скрипа отворилась дверь спальни и блекло засветилась в ночном мраке Сашина белая пижамка. С минуту все трое, замерев, смотрели друг на друга. Потом Галя не выдержала, включила свет, бросилась к нему:

– Сашенька, что ты?

Он с громким ревом обхватил ее за шею. Долго-долго мама с папой обнимали, целовали, утешали своего сына. Наконец он чуть успокоился и, еще вздыхая прерывисто, приник к маминому плечу, покрытому тонкой тканью пижамы. И вдруг опять напрягся, съежился, окинул их старым, страшным взглядом. Злым волчонком взглянул папе в лицо, обшарил взглядом пижамы родителей и опять устало обмяк. И счел нужным пояснить:

– Это мне сон приснился. Я испугался во сне.

И сурово встретил папин взгляд.

Он приходил к их двери еще несколько ночей, но уже не заглядывал, а, постояв, тихо уходил.

И с тех пор стал к нему приходиться по ночам Кошмар. А в каждом кошмаре был папа. Саша то сражался с ним, как с врагом, то с плачем просил прощения. Галя приходила к нему ночью, внезапно просыпаясь от тяжелого предчувствия, обнимала его, плачущего, долго-долго сидела с ним, лаская и утешая. Уговаривала вспомнить и рассказать свой сон, но Саша только сбивчиво, со слезами, в полусне бормотал, что на него кто-то нападал и хотел... очень больно... и уже начинал...

Вот и сегодня Саша опять плакал ночью. Галя не будила его. Она лишь села рядом и положила свою сухонькую мерзнувшую руку на его потный лоб. Наверное, сон его изменился, потек по другому, мирному, руслу. Может, он во сне помирился с папой? Может, папа пощадил Сашу? Может, Са-

ша простил папу? И тогда они крепко-крепко обнялись.

9. Жизнь удалась

Необыкновенно приятно ощущать себя на финишной прямой, да еще после долгой борьбы.

Николай Николаевич, сидя в новой, только что отделанной гостиной перед телевизором, с удовольствием думал, что все позади. Позади нищее, в постоянных трудах и скудных наградах детство. Позади неустроенная юность, вся в изнурительной борьбе за серенькое благополучие. Позади первые семейные годы с Галей в одной комнате, с постоянным Сашиным ревом.

Много потрудился!

И как-то ведь сил хватало! Как он, мальчишка, по сути дела, умудрился тогда целое лето вкалывать на свою семью да еще на четырех старушек в придачу? Нет, на трех. Бабка Нинка в помощи не нуждалась. Да еще и удовольствие получал! Ну конечно, ему, мальчишке, лестно было за мужика работать! И ведь усталости не было, не то что сейчас.

А как он, вечно голодный студент, приходил домой, сам себе чистил и жарил картошку! Соседки звали покушать, а он стеснялся. Все сам! И стирал себе все сам, от носков до постельного белья, никакой стиральной машинки. И гладил сам, и штопал сам! И все не в тягость было.

А теперь попробуй-ка Галя подать ему картошку без румяной корочки, или не заметить повисшую на тонкой шейке

пуговицу, или хотя бы сдвинуть с места его тапочки в прихожей!

«Со света сживу!» – усмехнулся себе Николай Николаевич с какой-то даже гордостью. Шутка ведь! Шутка, конечно!

Все это голодное, неудобное, сиротское осталось позади. Теперь новое время, требующее от человека смелости, чтобы пересмотреть свои старые, косные позиции. Это он так сказал недавно на совещании в дирекции. Первый раз стоял перед такой аудиторией – самый молодой начальник лаборатории, всего тридцать шесть. А аудитория, убеленная партиархальными сединами, благосклонно кивала ему и улыбалась.

Время было новое, легкое. Невесть откуда налетели саранчой экстрасенсы, целители, многоцветные маги, шаманы и так заманчиво сулили что-то.

Безумно интересная сотрудница Марина Павловна, навеки оставшаяся в бальзаковском возрасте, вдруг переросла из ведущего инженера в ведущего астролога. Николай Николаевич, ставший недавно ее начальником, молчал, хотя и морщился в сторону, когда ее в рабочее время прорывало каскадом зловещих прогнозов.

Она с блокнотом обходила своих сотрудников, бесцеремонно подсаживалась к каждому на добрых полчаса и составляла каждому гороскоп, не считаясь ни с чьим желанием. Дошла очередь и до любимого шефа, Морозова.

Небрежно сдвинув в сторону ворох бумаг, только что лю-

бовно растасованных Николаем Николаевичем по хронологии и по степени актуальности, она с пристрастием допросила его о дате рождения, посетовав, что не помнит он, в котором это было часу, и затихла минут на десять.

Николай Николаевич осторожно вытянул из-под ее локтя черновой вариант своего отчета и попытался восстановить ход своих мыслей. И только-только восстановил, как Марина Павловна радостно закричала:

– О! О! О! Ну вы только посмотрите на этот гороскоп! То-ва... господа! У нашего любимого шефа изумительный гороскоп!

Изумительный гороскоп открыл Николаю Николаевичу, что он человек, переполненный всеми мыслимыми достоинствами: физически и духовно здоровый, одаренная творческая личность, волевой, прагматичный, гуманный, верный своему долгу и прекрасный семьянин!

– Да с таким гороскопом!.. О! С таким гороскопом у вас прекрасное будущее! Да-да! Вы реализуете все свои возможности. Вот это видите? Козерог в Юпитере! Это ваша реализация! Вы – великий человек! Ну как же повезло вашей супруге! Ну надо же! Жить рядом с таким... Она у вас кто?

– Как?.. По профессии?..

– По гороскопу!

– Да я не разбираюсь... 6 июля день рождения...

– Та-ак. Значит, Рак! Посмотрим.

И Марина Павловна опять нырнула в нарядную брошюру,

дав возможность своему шефу снова восстановить ход мыслей и даже набросать строчки две.

– Союз Рака с Козерогом неблагоприятен! – вдруг прозвучал над его ухом суровый приговор.

– Ерунда какая!..

– Что вы, что вы! Не ерунда! Здесь же написано!

И она благоговейно поднесла к его носу открытую страницу.

– Понимаете, Николай Николаевич, Рак – он ведь пятится назад, да? Он весь в прошлом, он – хранитель традиций. А Козерог? О! Козерог – это неуклонное стремление к цели! Понимаете? Всегда вперед! А Рак будет тормозить Козерога на его пути!

Конечно, все это было очень глупо, и он не думал всему этому верить. Но, что там греха таить, сбил его с толку собственный лучезарный гороскоп – как не поверить, если он, Николай Николаевич, и впрямь такой. А какой же еще!

И теперь дома Николай Николаевич был готов во всеоружии сражаться с Галиной тормозящей сущностью.

Лихое наступило времечко! Те, кому по гороскопу не суждено было стать экстрасенсом или шаманом, срочно объявили себя верующими, самыми что ни на есть! Эстрадные певички, недавно проклянувшие бизнесмены, только-только созревшие политические деятели – все наперебой сознавались на телеэкранах, что в годы своей пионерской юности они тайком молились Богу и бегали в церковь, чтобы насла-

ждаться... чтобы ощутить... чтобы воссоединиться...

Пожилая институтская гардеробщица, подавая Николаю Николаевичу пальто, уже в третий раз рассказывала ему, как неделю назад окрестилась в надежде избавиться от камней в почках. А все та же великолепная Марина Павловна украсила свое декольте аж двумя золотыми крестиками на цепочке.

А какие песни гремели с телеэкранов! Разухабистый «Плейбой, клевый такой...», сладко-томная «Путана».

А какие книжечки теперь лежали на уличных лотках? Сверкающие голые зады и груди, жадные мужские руки, все это добро хватающие, мнущие, рвущие... Брр! А названия – то? «Чем бы нам с тобой заняться в постели?» Класс!

Андрей, возбужденно сопя, носился по лаборатории, демонстрируя книжечку, написанную некоей гулящей американской бабенкой. Ошалевшая от сюрпризов собственной уникальной сексуальности, она цветисто расписывала достоинства своего тела, смаковала каждый миг любовных забав с бесчисленными партнерами, объясняла, поучала, советовала, диктовала.

Андрей настойчиво совал книжонку Николаю Николаевичу, подвывая:

– Эх, начальничек, дожили мы с тобой до старости и без всякого смысла. А здесь, а здесь! Читани-ка! А? Ы-ы-ых, зарр-раза! Возьми-ка, Николаич, домой! На ночь супруге почи-таешь! Х-хы!

Конечно, Гале все это понравиться никак не могло. Но

Николаю Николаевичу внезапно захотелось увидеть, какое будет у нее лицо...

Такого он не ожидал. Галя побледнела до синевы, по мертвым щекам покатались мертвые слезы, и страшно вскрикнула она:

– Как ты смеешь?!.. За что?!..

Очень смущенный, Николай Николаевич вышел из спальни и, убеждая себя, что очень обижен, заперся в «памятной комнате», читая там эту книжонку, пока не затошнило.

Надо признать, что Галя была права, когда отстояла эту комнату. Он-то хотел снять двери, сделать большой проход в виде арки и, конечно, убрать со стены эти старые фотографии соседок и их мужей. Это должна была быть очень стильная гостиная с пустыми белыми стенами, как он видел в гостиных у финансового директора.

Какой был скандал! Он и не подозревал, что его жена способна так упорно что-то отстаивать.

Но она оказалась права. Где ж тут было бы отдыхать среди пустых белых стен? Вот обои сменили, славненькие Галя выбрала. И опять эти фотографии. И пусть. Уютно с ними, как будто в юности.

Соседки умерли одна за другой, в один год. Но первым умер их рыжий Барсик. Он пережил все мыслимые кошачьи сроки и зимой начал медленно, трудно, как человек, умирать. Коля – тогда он был еще просто Коля – возил его к ве-

теринару, но врач только руками развел: «Пора аксакалу на покой». И предложил тут же, в соседнем помещении, усыпить старика. Коля не посмел этого сделать, и еще неделю Галя вместе с бабушками не спала ночами, растирала Барсиковы скрюченные судорогой лапки, замывала следы рвоты, давала ему из пипетки какие-то капли, а потом вместе с соседками оплакала его пушистый трупик.

Коля ночью вынес доброго старика в ближайший сквер и, с трудом расковыряв ломиком мерзлую землю, похоронил его под кустами.

Эта смерть так потрясла кроткую тетю Тоню, что она совсем пала духом. Целыми днями сидела она на своей кровати, глядя в стену и чуть покачиваясь, будто в такт песне, а мутные слезки бежали и бежали по проторенным бороздкам морщинок и терялись где-то под кругленьким подбородком.

Она не ела, не спала, лишь смотрела с печалью на тетю Лиду, в отчаянии суемящуюся возле нее:

– Тонюшка, голубушка, да что ж ты у меня раскисла-то? Что ж мне делать-то с тобой?

Тетя Тоня вздыхала в ответ:

– Лидушка, прости ты уж меня, прости...

– Да за что, Тонюшка, простить?

– Прости уж, Лидушка...

Врачи приходили, сосредоточенно прописывали таблетки и уколы, но ничего, кроме склеротических явлений, отыскать не могли.

Через месяц ее не стало. А еще через полгода скончалась от рака желудка тетя Лида. Умирала она на руках у Га-ли, которая наотрез отказалась отправлять старушку в хос-пис, умирала в полном сознании, без стонов и жалоб терпя немыслимую муку.

Галя высохла, как щепочка, поседела и совсем разучилась улыбаться, но не отходила от соседки ни на минуту, подсте-регая начало нового приступа, чтобы ввести обезболиваю-щее. Научилась ведь делать инъекции сама, хоть поначалу и бледнела до синевы, и плакала горькими слезами от страха, что делает больно. Но научилась! Коля никак этого не ожи-дал.

Дня за четыре до смерти тетя Лида в короткий промежу-ток между приступами, когда обезболивающие уже практи-чески не помогали, подозвала к себе Колю и, с трудом шеве-ля черными губами, проговорила:

– Вот, Колюшка, и все... Только глупостей... смотри, не хочу слушать... Запоминай... пока язык у меня... Тонюшка кремации боялась, и похоронили ее как по-русски... А меня уж... Жили-жили мы с ней, денежки копили, думали, на по-хороны... чтобы никого... А все на Тонюшку и ушло... Так ты меня... В комод, в верхнем ящике, коробочка, картин-ки на ней... розочки... там... что осталось...

Похоронили и тетю Лиду, как последний кусочек прошло-го. Закрепили за собой две соседские комнаты. И началась новая жизнь.

Это был последний порыв юношеской энергии. Две недели Коля не покладая рук искал строительный материал, красил, белил, клеивал, злился на угасшую Галю, рычал на Сашу, который совался под руки. И вот по их новой большой квартире стала расползаться мебель.

В эту эпопею неожиданно включились и бабушка Аля, и дедушка Толя. Они скинулись и подарили Гале к тридцатилетию новый диван и стенку, сюда же переехало от бабушки Али и Галино пианино.

И вот тогда, усевшись на новый диван в новой гостиной, где висели на стенах портреты тети Лиды и тети Тони с Барсиком на руках, где улыбались браво и гордо их юные мужья, Коля прислушался к шуму воды и стуку ложек на кухне, к голосу Саши, громко распеваящему песни собственного сочинения в собственной новой комнате, и почувствовал себя Николаем Николаевичем.

10. Из дневника Саши Морозова

Из дневника Саши Морозова.

1 января 1996 г. Три часа ночи.

С Новым годом вас, батенька, Александр свет Николаич!
Всяческих вам благ!

Скорее записать, какие я желания загадал под бой курантов. А то в прошлом году тужился, тужился, а потом и забыл, чего желал. Но там все ерунда была, мелкий я еще был. Помню, пожелал, чтобы меня поцеловала Ленка из седьмого «А». И на полном серьезе ведь желал. Меня, третьеклашку, эта взрослая тетка. Тормоз!

Записать, пока не забыл. Двенадцать ударов – двенадцать желаний! Поехали!

Бам-м-м! Хочу, чтобы мама и папа всегда друг другу улыбались, как сегодня!

Бом-м-м! Хочу, чтобы у меня получилась песня и чтобы Киря ее почитал и не стал больше меня за шкуру на гвоздик подвешивать, как тогда.

Бум-м-м! Хочу, чтобы у бабуленьки Светы не болело сердце, а у Бабали не болел затылок, а у деда Толи – нога. И чтобы у мамы ничего не болело. У нее что-то болит, только она не говорит никому. А у папы ничего не болит.

Бэм-м-м! Хочу, чтобы у тети Даши и дяди Сережи кто-нибудь родился. Все равно, кто. Тогда я наконец стану стар-

шим братом.

Бим-м-м! Хочу нежно, всей душой полюбить математику. Потому что у меня получается только то, что я люблю. Это математичка сказала. Это правильно. Полюблю математику, получу пятерку в четверти – и папа тогда будет меня уважать.

Блям-м-м! Хочу, чтобы тетя Таша наконец поженилась со своим Леонидом. А то всю жизнь слышу «Леня, Леня» – и все без толку.

Бэн-н-нц! Хочу, чтобы мы наконец помирились с этими Чечнями. Сколько можно! У математички летом сын погиб в Чечне.

Дз-з-зынь! Хочу научиться левитации и летать по ночам. Очень хочу, только мама против!

Бабах! Хочу, чтобы у меня появился друг, который был бы как я, только не такой болтун. Без него мне одиноко.

Плюх! Хочу перестать наконец бояться смерти и боли. Несolidно уже!

Шмяк! Хочу, чтобы жизнь изменилась обратно, чтобы у всех все было, как в застойные годы. Тогда Русаковы перестанут голодать!

Чпок! Хочу плешь на макушке и шрам от уха до уха, чтобы девки перестали мне записочки в сумку совать. Бумажки из меня дома сыплются, мама их находит – очень неудобно.

Ну и вообще чтобы все... Ладно, Деду Морозу и так понятно! Все, спать!

.....

.....
17 января.

Зеленые рукава

Тебя нашел
я в ночи весной.
Говорила ты
о любви с луной.
Вдруг сотней звезд
вспыхнула трава,
видно, знаешь ты тайные
звезд слова.

Ты вся —
словно ночь весной.
Околдован я
тайной неземной.
Сжался!
Прошепчи: «Усни!» —
и зеленым весны
рукавом взмахни.

Возьми в ладонь
тонкий серп луны,
окуни в росу,
слово звезд шепни,
лучом луны
в сердце мне взгляни —
что я твой навсегда,

ты поймешь в тот миг.

И припевчик: «Ты вся – словно ночь весной...»

18 января.

Все сбывается! Все получается! Респект Деду Морозу!

Сегодня поймал в коридоре Кирюху.

– Тее чё? – говорит.

Я ему молча листок сунул.

– Это чё?

– «Зеленые рукава».

– Чё-о-о?

Почитал, почитал, потом за шкирятник меня сгреб – и за собой. Кому-то по пути кивнул, кого-то локтем двинул – всех своих собрал.

В сортир меня притащил, к стеночке привалил, а его компания стала мой стих читать. Читали, читали, долго так, по слогам, что ли? А Киря им:

– А чё? Вроде ничё. Пошли к Ленке.

Вся компания рванула по коридорам, искать Ленку. Топа-ли как кабаны, а меня все за шкирятник. Нашли Ленку. Кирюха одной рукой ей листок сунул, другой рукой – меня.

Ленка прочитала и меня за подбородок взяла:

– Это о-он написа-ал? Это ты са-ам? Да ты в каком классе? Скажи-ите, он уже о ночных краса-авицах ду-ума-ет!

Я ей по рукам дал, чтобы не лапалась, и говорю:

– Не твое дело, о чем я думаю.

Она как захохочет – под свитером все так и затряслось:

– Не серди-ись, серди-итый како-ой!

Пошли после уроков в школьный подвал, где они репетируют. Меня не позвали, но я их подстерег и сзади шел. Ничего, не выжали. Димка Макаров спел один куплет на английском, а потом – мое. Хорошо получилось, будто и не я сочинял.

Потом они еще что-то обсуждали, а я взял Димкину гитару и попробовал. Интересно так, звук неожиданный. Не из гитары, а из колонок, я даже испугался.

А они все на меня уставились. Серый хотел мне накепать, но Ленка на него наорала, и я поиграл. Сначала путался, потом ничего, привык. Спел им из Высоцкого, из Шевчука. А из Паши Кашина не получилось – сложные мелодии. И петь трудно, никак эти колонки не перекричать.

В общем, решили, что я буду играть с ними на своей гитаре. Здорово! А Киря велел мне рэп сочинить. Не умею я рэп...

19 января.

Получил пару по математике. В школе хорохорился, а домой пришел, маме рассказал – и захлюпал. Сам себе противен. Рядом с мамой я весь раскисаю, прямо как младенец.

23 января.

Пару по географии получил – и совсем позорно. Просто вопроса не слышал, сочинялась песня. Вертелась в голове одна строчка: «Солнца свет и дыхание рая...» Я ее и так и этак пристраивал, вот вопрос и прослушал. А вопрос ерундовый был.

28 января.

Наташа мне пожаловалась, что один козел ее в коридоре ловит, к стенке прижимает и говорит: «Давай трахнемся!». Это в третьем-то классе! Ну и молодежь! Она мне покажет этого плейбоя, поговорю с ним по-плейбойски.

Наташа только просила Павлу не говорить, а то он этого козла по стенке размажет, а тете Люсе попадет.

13 февраля.

Никак не могу понять, любит папа нас с мамой или нет. Вроде заботится, все покупает для нас. Мне крутой комп на Новый год подарил, маме – колготки «Леванте – для любимой женщины». А все будто издалека на нас смотрит.

Может, я не его сын? Какого-нибудь другого отца? Как бы у него узнать? Засмеет ведь.

15 февраля.

Опять всю ночь не спал. Только лег – приснился тот страшный сон о моей смерти. Она открывает двери, я наваливаюсь всем телом, пытаюсь удержать. Но она сильнее, а я

слабею с каждой секундой. Вот дверь открылась: вспышка тьмы – и меня нет. Навсегда нет. Не существует. И я проснулся.

Так было страшно, что руки-ноги тряслись.

А потом думал и думал. Ведь это все будет. И не уйти от этого никуда и никому. И какая разница, проживу я лет двадцать или лет сто. Никакой разницы. Все равно это придет. И какой смысл?

Непонятно и страшно.

Земля существует миллиарды лет, и все это время меня на ней не было.

Ну проживу я лет сто – и опять меня не будет миллиарды лет. Зачем тогда?

Вспышка тьмы – и нет меня. И все это скоро будет. Через сто лет! Пишу и до сих пор страшно. А ночью я лежал, метался, дрожал, потом заорал от страха.

Конечно, мама прибежала и сидела со мной до утра. Я забрался к ней на колени, лось такой, а она пела мне песенки. И я успокоился.

21 февраля.

Как хорошо, что папа подарил мне комп. Какой я все-таки дурак! Он, конечно, меня любит. Я играл сегодня в «Рептон», а он сидел рядом и смотрел не на экран, а мне в лицо. И мне от этого так хорошо стало, что я даже играть бросил и обнял его. И он – меня. Крепко-крепко!

Теперь ко мне ходит Павел и играет вместе со мной. Он хорошо в этом понимает, знает язык «Бейсик» и меня учит. Папа с ним вместе покупал дискеты с играми, потому что без Павла он не знал бы, что покупать.

Два лабиринта хороших купили, три имитатора, одну стрелялку и одну с махачами. Папа махачи не хотел покупать, но Павел очень советовал. Я должен иметь представление обо всех видах игр.

Несправедливо. Павел так все хорошо знает, сам программы пишет, а своего компа у него нет. И не будет. У них и на еду денег не хватает.

А я только в игрушки играть на компе умею. Несправедливо.

4 апреля.

Играл все каникулы. Димка Макаров мне такие игры дал на недельку – атас! «Дум» и «Мортал Комбат».

В «Думе» вид из глаз. Бегают по коридорам мужик со всяким оружием в руках и побряхтывает, вроде как сортир ищет. А на него всякие чудики со всех сторон бросаются: у кого по десятку рук болтается, у кого рот зубастый на пузе, у кого на голове не то рога, не то хвост – и звуки тошнотные издают. Ржачно! Буду собирать коллекцию монстров, видел в ларьке такие – недорого. Попрошу маму – разрешит.

А здорово так бегать по этим коридорам и мочить уродов! Только голова потом здорово кружится. А в одном тупичке

есть глубокая лужа с кислотой – туда попадать нельзя. Сразу кислотно-щелочной баланс нарушится – и «гейм овер»!

А в «Мортал Комбат» классные махачи! Кровь так и шлепает в стороны. Одно фаталити у меня никак не выходит – все тетка лупит и кожу сдирает. Надо Павла попросить, он точно знает, как там пройти.

Хорошо, что папа мне комп подарил.

3 мая.

Наташа сегодня очень плакала. У нее в классе такие девки поганые, бомжихой ее дразнят. Сами ходят в лосинах, в серьгах золотых. А у тети Люси в семье новой одежды вообще не бывает, только обноски. И мою одежду мама тете Люсе отдает, как только я вырастаю. Ее теперь Алешка носит. А ползунки мои и Наташа носила, и Алеша, и Аленка.

Плакала сегодня Наташа из-за того, что эти дряни вытащили у нее из портфеля Барби, которую я ей подарил, начали Наташу дразнить, кукле руки-ноги отрывать и кидаться ими. А я как раз мимо шел на историю. Схватил обеих за волосы – визгу было! Я им самим что-нибудь откручу!

Наташе куклу я починил, там легко вставляется. Она так обрадовалась, что ко мне прижалась. И я ее обнял.

А у нее макушка такая тепленькая была.

11. Падение

Что ж это было? Болезнь? Затмение? Сглаз? Порча?

Никогда Коля в такие вещи не верил, да ведь нехотя поверишь.

Почему началось это с продвижения по службе?

Или не с этого?.. А когда?.. С чего?..

А почему закончилось это так вдруг, внезапно, в один момент, когда он понял, что лаборатория закрыта?

Он шел домой с производственного совещания. Столько принял он на себя жалостливых, сочувственных и злорадных взглядов, что кожа на лице зудела.

Кто мог вообразить, что наступит время, когда проблематика целого десятка лабораторий закрытого НИИ станет неактуальной?

Кто мог предвидеть, что такое прекрасное, благородное движение, как конверсия, выбросит с насиженных мест сотни специалистов?

Само собой, кто-то предвидел, кому положено... А вы, прочие сверчки, знайте свой шесток...

Коле повезло, на улицу не выбросили. Начальник одного из отделов, оставшихся в уже несекретном НИИ, подобрал Колю на вакантное место старшего научного сотрудника. С большим скрипом, корчась и морщась, только из уважения к Николаю Николаевичу, взяли и Андрея. По другим отделам

пристроились Алина и Юрка. А Петр Евгеньевич ушел на пенсию.

Все было в порядке, можно было начинать работу. Все сначала...

Ох, как больно и горько было идти домой, и как рвался он к Гале! Так больной, пылая в мучительном жару, видит свое спасение в стакане воды. Усмехнулся Коля на такое книжное сравнение. От Гали заразился?..

Пустые это мечты... Не излечится болезнь от стакана воды.

И Галя не поможет. Своя теперь у нее жизнь, свои дела, своя душа, не его, а чужая. Сашина душа. И еще сотни школьников трех восьмых классов и одного пятого.

И это правильно... Заслужил...

Что ж это было-то? Что ж это было?..

Что случилось в тот день, когда он стоял, сжав кулаки, как боксер, и орал на Галю за то, что она посмела упасть в обморок с ребенком на руках? С этого началось?..

За пять месяцев до этого он оплакивал Галю и не хотел без нее жить. И вдруг словно зверь в нем какой-то, оборвав цепь, очутился на свободе. Переутомился он тогда, что ли?..

Нервный срыв?.. И диссертация была на носу, и Сашка ночью спать не давал, и усталость от вечной тревоги за них обоих, за Галю и Сашу. Все вместе.

Но потом-то?.. Почему в привычку вошла та тоскливая раздражительность при виде Гали? И уже не стыдно было ее

слез...

А когда кончилось это наваждение? Да вот тогда и кончилось, когда шел он домой, с ужасом думая, что остался один со своей бедой.

Вошел. Как же дома-то хорошо!

Да какая там квартира генеральского зятя может сравниться с этим миром, где любая вещь обласкана Галиными руками, где вот уже десять лет живет удивительный мальчик Саша?

На кухне стол накрыт для него, для неудачника, которого взяли из милости в соседний отдел. Тарелка, ложка, хлеб. В кастрюле горячий куриный суп. На сковороде горячая жареная картошка с лучком. Все, как он любит.

Но сейчас голод гнал его не к миске, а к Гале. Она, конечно, как всегда, за тетрадками.

Сел рядом, глядя в пол.

– Что с тобой? Заболел?

– Да что-то... не знаю...

Галя притянула к себе его голову и прижалась ко лбу сухими теплыми губами. Она так определяла температуру почти с точностью градусника.

– Нет, не горячий. А может, сердце?..

И ладонь у него на груди. И дышится легче, и в голове яснее. Ну да, сколько раз Коля видел, как она просто ладонью лечила больной Сашин животик или снимала высокую температуру, просто нося его, маленького, на руках. Вот теперь

и он, Коля, такой младенец...

– Родной, что ты? Случилось? Плохое? Может, с мамой?..

Да что ж он, в конце концов, раскис? Все живы-здоровы, а он словно хоронит кого-то. Стыд какой!

– Да нет, ничего... Наш отдел закрыли, всех на белу улицу. Меня соседи старшим взяли, да Андрея еще отбил, тоже со мной будет.

– Ох... Ну и ничего, и ладно. Хорошо, что Андрея отстоял. Ну и ладно, теперь отдохнешь, поработаешь по-человечески, без всяких лишних забот. Да?..

А и правда. Просто работать. Делать любимое дело, не разрываясь на части, не решая все за всех, не выпрыгивая из штанов, не бухаясь башкой в потолок!..

Он потянул Галю к себе на колени, и она крепко-крепко прижала к груди его голову. Давно так не сидели...

А она все такая же легкая... Ничуть тяжелее не стала...

Друг от друга их оторвал телефонный звонок. Саша крикнул из коридора:

– Папа, ты пришел? Тебя к телефону дядя Сережа, капитан.

Сергея?.. Ну вот, одно к одному...

– Колька, я тут с тобой рядом. Можно зайду?

Через несколько минут он уже сидел с Колей на кухне, жадно пил принесенную с собой водку и не хмелел, только дрожал, как в ознобе.

– Она давно этим делом... Еще до меня... Но все эти годы ничего, в рамках держалась, даже родители не знали. Изредка когда... Так, знаешь, золотая молодежь набежит, люди искусства, которые из новых... ну и с ними... для веселья. Они для этого винцо не пьют, как мы, совки, они курнут чего надо – и хорошие! А в последние месяцы у нее в башке что-то переклинило... Не знаю... Обкурилась, что ли... А может, книжек своих дурацких начиталась... На пол бросается, бьется, орет. Убью, убью ее!.. А кого ее?.. Давно бы надо было к психиатру, да родители на дыбы – скандал в благородном семействе! Маман сама ее лечила таблетками какими-то заграничными.

А вчера со службы иду – на дворе толпа, на асфальте кровь и стекла. Милиция крутится. Ее только что подобрала... только что увезли... Немножко я не успел! Сразу на смерть...

Вот и нет ее больше... Верульки...

Коля слушал. Он не пил, но в голове стоял туман, и все плыло перед глазами.

Когда Серега пригласил его по телефону на юбилей десять лет назад, когда Саше было всего три месяца, Коля удивился и обрадовался. Они очень давно не встречались, два верных школьных друга. Вот так уж дороги разошлись – и все! Даже на свадьбах друг у друга не были. А тут Серега, уже капитан

П ранга, позвонил и давай сытым баском заманивать:

– Да чего ты! Приходи, с новой женой познакомлю. Ну да, с новой! Люблю свеженькое! Ха-ха-ха! Между прочим, знакомая твоя... А вот не скажу! Приходи, увидишь!

Адрес показался Коле почему-то знакомым. Но только подойдя к двери, он понял, куда пришел. Постоял, приводя в порядок смятенную душу, прислушался. За дверью шумели, хохотали, ритмично бухал рок.

И вдруг Коля опять, как в тот далекий день, понял, что она стоит и слушает там, за резной лакированной дверью...

Разозлился на свое волнение, чуть не вслух чертыхнулся и позвонил. Звонок пропел кусочек томной мелодии и затих.

Там, за дверью, она выждала несколько секунд, открыла и застыла перед ним, чуть улыбаясь, а глаза зло горели в полутьме прихожей.

– Верунька, кто там? О-о-о! Старина!

За ее спиной выросла крупная Серегина фигура. Он шагнул вперед, облапил Колю и гулко похлопал по спине широкой капитанской ладонью. А потом с радостным хохотом потащил в комнаты.

– Во! Ты смотри, ты смотри, ты любуйся, как генеральский зять живет!

Гости, аккуратные морские офицеры с холеными женами, величающие Нику Вероникой Александровной, и расхристанные особы обоих полов, звавшие ее Никашкой, смот-

рели на Колю с веселым недоумением.

И тогда ослепительная Ника, будто вдруг, ниоткуда здесь явившаяся, воскликнула счастливым голосом:

– Боже мой! Коля! Как я рада тебя видеть!

Она осенила его прикосновением ароматной губной помады и представила гостям:

– Друзья мои! Это удивительнейший человек, Коля Морозов, Сережин школьный друг и мой однокурсник. Умнейший, способнейший, только что защитивший диссертацию! Человек редкой душевной красоты и несгибаемой воли! – вдруг коварно вонзила она взгляд в его сконфуженное лицо.

Чувствуя себя очень неловко под скептическими взглядами, он сел на предложенное место и начал есть все, что стояло рядом, не замечая вкуса. Мимоходом выпил рюмку чего-то зеленого, заботливо налитого Никой сразу из двух заграничных бутылок. Это вроде помогло, неловкость как-то растворилась, и он стал с любопытством осматриваться.

Гости до смешного четко разделялись на Серегиных и Никиных.

Серегины офицеры с женами пугливо косились на патлатых и бритых наголо чудовищ с серьгами в самых неожиданных местах и на особ женского пола с тяжелыми, злыми глазами.

Серегины гости пришли парами, Никины – поодиночке. Пара среди них была только одна: к Колиному изумлению, отец с дочерью. Отец был усатый, бородатый, с неопрятны-

ми серыми волосами, а дочь – рослая, пышная, с глазами, разрисованными на манер бабочкиных крыльев. Она жадно, рюмку за рюмкой, глотала ликер купоросного цвета и была уже очень пьяна.

Ника щелкнула кнопкой музыкального центра, и офицерские пары, рокирнувшись женами, послушно двинулись танцевать. А страшноватые Никины друзья как по команде соединили свои усилия над экзотическими фруктами и роскошными бутылками.

Сергея оторвал от коньяка инопланетянку в сером рубище, с тифозной стрижкой, повел ее танцевать, и она повисла на его плече как ватная кукла в старом клоунском номере.

Сзади неслышно подошла Ника, положила на плечи тонкие цепкие руки, подняла и повела за собой к танцующим. Коля взял в ладони ее тело, обжигающее сквозь тонкую ткань, заглянул в лицо и... поплыл, одурманенный его красотой.

Когда-то была она прекрасна, как мраморная статуя, как ясный морозный полдень. Теперь стала благовонным цветком в самый жаркий час южного дня. Темнело в глазах и ломило голову от этого аромата...

А за столом раздался пьяный женский визг. Роскошная дочь серогривого отца в своей кожаной юбочке, похожей на набедренную повязку, лезла на стол и орала:

– Сейчас стриптиз будет! Вним-м-мание!.. Сейчас я... на столе... стриптюху... стрипану!..

Отец очень сердился, тащил ее со стола за юбку и шипел:
– Наш-ш-шла место! Здес-с-сь нельз-з-зя!

Но за скользкую коротенькую юбочку трудно было как следует ухватиться, и дочка, отмахиваясь от папы руками и ногами, успешно продвигалась вперед, роняя на пол тарелки и фужеры.

Это было так похоже на дурной сон, что Коля всерьез настроился на скорое пробуждение и уже ничему не удивлялся. Ника повернула к себе его лицо, и он вздрогнул от прикосновения гладеньких остреньких ногтей.

– Да ну, не смотри ты на них. Устал от нашего шума? Пойдем отдохнем! – и повела за собой по коридору.

Ох, какая тяжелая, дурная была голова! Случилось что-то здесь, за дверью, или это был только бред?..

В прохладной голубой спальне, где на огромной кровати валялись сумочки и шарфики гостей, Коля ощутил наконец себя проснувшимся.

– Дурная девчонка! – сокрушенно качала головой Ника, а глаза ее громко торжествовали победу. – Успела ведь напиться! Ларик так с ней мучается, всюду ее с собой таскает, чтобы в беду не попала.

– Замуж надо выдать, пусть муж таскает... – глядя в сторону, проворчал Коля.

– Да ей еще только четырнадцать, – усмехнулась Ника.

Она сидела перед ним на краешке кровати, покачивая носком красивой замшевой туфли с блестящими штучками.

А он... тут только понял он, что сидит в том самом кресле, утопая в нем всем телом. Вот на этой толстой кожаной ручке сидела тогда Ника, перед тем как скользнуть к нему на колени.

Лицо Ники напряглось в коварной улыбке – она прочтала его мысли.

– И как же ты живешь, расскажи.

– Ну что... вот сын родился... – нехотя промямлил Коля.

– Ах, сын! – Ника так и покатилась со смеху, белые зубы засверкали, рука взметнулась куда-то за голову. Раньше она так не смеялась! – Ну если сын, так, может, и жена есть?

Внезапно оборвав смех, она взглянула на него так пристально, что Коля тут же отвел глаза.

– Видел объявления в газетах о курсах магии? Не видел? А я позанималась. Дороговато, но так увлекательно! Потом сама во многом разобралась, почитала, подумала... Ты знаешь, что такое левитация?

Коля неловко замычал, перебирая в памяти: «Гравитация... делегация... операция... дислокация...» Нет, левитации там не оказалось.

– Я никогда ничего не забываю, – слышал он ее внятный полусшепот, – ни плохого, ни хорошего... А у нас с тобой чего было больше? Плохого или хорошего?

И опять засмеялась, тихо и протяжно, будто заплакала. Она так раньше не смеялась.

– И если ночью увидишь мое лицо за окном, не думай, что

ты свихнулся.

Она поднялась легким, неощутимым движением, будто выросла, и не торопясь подлетела к двери, только для вида касаясь ногами пола. На пороге обернулась:

– Смешно!.. Так долго искал – и такое убожество себе выбрал...

Коля не заметил, как открылась и закрылась дверь. Ники просто не стало в комнате. А из гостиной уже слышались ее звучный голос, общий смех и звуки тяжелого рока.

«Надо меньше пить, пить надо меньше!» – сказал себе Коля, потирая виски. Посидел, отдышался, посмотрел на книжные полки. Там все было про психоанализ и про эрогенные зоны.

Возвращался Коля в неясных грезах. Все увиденное заволокло розовой дымкой. Безобразное затуманилось и уплыло, серое стало розовым, а великолепное – единственно различимым.

Огромная генеральская квартира, мебель с иголки, унитаз с мраморным рисунком, картины на стенах. Никаких берегов моря на закате, никаких букетов с продуктами – все оригинально, волнующе и непонятно. Рыбы с женскими глазами и нахальными улыбками влажных губ, парящие над зловещим, мрачным Петербургом. Сама Ника под флером из маленьких-маленьких гранатовых паучков. Причем Ника лишь угадывалась, зато можно было пересчитать алмазно сияющие шерстинки на паучьих лапках.

Еда на столе необыкновенная: колбасы с орехами, какие – то аппетитно поджаренные конвертики, простая русская курица, инкрустированная кусочками ананасов.

И сама Ника с искусно нарисованным лицом, прекрасная, благоуханная и страшная, как библейские царицы.

Пришел Коля домой, поднялся по выщербленной заплыванной лестнице, вошел в темную прихожую, где густо пахло жареной рыбой, и вдруг такая злость охватила: «Почему у меня в жизни только такое?!».

Вошел в комнату. В полутьме на кровати, среди разбросанных мокрых пеленок, сидит растрепанная, худенькая, серенькая женщина, похожая на старушку с детским лицом. А на руках у нее засыпающий Сашка...

А дней через десять голос Ники в телефонной трубке сообщил ему, что его школьный друг, капитан Серега, опять отправился в свое плавание. Надолго.

И все опрокинулось и ухнуло в какую-то темную яму. Надолго...

Господи! Ну почему сегодня все это вспоминается, и мучает, и не дает покоя?

Галя, конец карьеры, смерть Ники – все слиплось в один ком! Катится, падает, давит...

Да просто обнялся он сегодня с Сашей крепко-крепко. И вдруг ударило больно. Саша вырос! Как? Когда? И как непривычно было им обниматься, будто встретились впервые в жизни.

– У Сережи жена умерла? – тихо спросила его Галя в темноте спальни.

– Да... – выдохнул Коля.

Тишина... нестерпимая...

– Галя...

– А?..

– У меня с ней было... тогда...

– Не надо... Я знаю...

12. Учительница

Галя подтянула к себе тяжеленную сумку, вытащила одну за другой стопки тетрадей, разложила на столе перед собой: восьмой «А» – русский язык, восьмой «Б» – русский язык, восьмой «В» – русский язык. Почему так мало тетрадей восьмого «В»? Всего двадцать две. Не сдали, жулики. Наставить двоек?

Литература: восьмой «А», восьмой «Б», восьмой «В». Со всем мало тетрадей. Фу, бесстыдники. Двойки всем, кто не сдал. Сколько можно их жалеть?

Сочинения: восьмой «А», восьмой «Б», восьмой «В».

Окинула взглядом стол, уставленный стопками тетрадей, и пригорюнилась: ну зачем опять столько набрала? Когда же это успеть? Хорошо, что пятый и шестой классы уже проверены.

Погрустила и принялась за работу.

За четыре года наконец к этому привыкла. А поначалу-то – страшно вспомнить!

Она пришла тогда к директору школы, перед самым первым сентябрем, и спросила, не требуется ли библиотекарь, прибавив, что сын ее идет в первый класс.

Библиотекарь школе не требовался, зато требовался учитель-словесник. Да еще и как! Учителей не хватало для целой параллели 5-х классов. Измученные нищенской зарпла-

той и тяжелой работой учителя всех предметов бежали из школы куда угодно, хоть грузчиками, хоть посудомойками в ресторанах.

– Галина Анатольевна, что вас смущает? У вас же гуманитарное образование? Ну вот! А у нас в этом году кто только не ведет уроки. В начальной школе три мамы с техническим образованием, даже курсы еще не прошли. Что делать! Соглашайтесь, очень нас выручите. Вот вам программа. Там, в пятых классах, ничего сложного, сами увидите. А для классного руководства вам пятый «В». Пойдемте, посмотрим личные дела.

Галя, следуя за директором, пыталась объяснить, что она не может... не сможет... неспособна...

Директор, высокий бодрый старик в очках, даже не слышал ее лепета.

Дома Коля схватился за голову:

– С ума сошла?! Какой-токой из тебя учитель?! Сейчас же позвони и откажись!

– Они просили выручить... Я обещала, я не могу... – безнадежно вздыхала Галя.

– Опозоришься! Ты же забыла всю свою науку – столько лет прошло! И как ты говорить с ними будешь? Тебе же двух слов не связать! Они и не услышат твое мышинное сопрано!

Галя только печально улыбалась в ответ.

– Ну все понятно! – бушевал Коля. – Дома тебе надоело, на приключения потянуло! Ну проветрись! Через месяц они

тебя сами уволят!

Все это было очень обидно слышать, но Галя не разрешила себе обижаться.

Коля очень изменился в последнее время – вдруг вспомнил о ней, живущей с ним под одной крышей и спящей в одной постели. Стал заглядывать в глаза и улыбаться.

Как-то так совпало это с потерей начальнической должности? Неужели поэтому? Или что-то еще?.. Но думать об этом не надо. Никому не надо...

И сейчас он не хотел ее обижать. Он просто за нее волновался. А обидно – это у него по привычке получилось.

И он не подвел ее. Он очень заботился и оберегал ее в первые месяцы ее школьной авантюры.

Теперь, спустя четыре года, та первая четверть в школе казалась Гале затяжным обмороком.

Галя хорошо запомнила первое сентября. Четыре урока. На каждом по три с лишком десятка незнакомых ребячьих лиц, глаза, устремленные на нее, отчего хотелось спрятаться под учительский стол. И собственный дрожащий голос.

Запомнила второе сентября, потому что забыла ключи от класса и конспекты уроков. Бросилась бежать домой, благо недалеко, потом опять в школу. Чуть не опоздала!

Помнит, как в первый раз села проверять тетради, умиляясь, что видит плоды своих трудов в тонких тетрадках в линеечку. Мечтала поставить много-много пятерок, чтобы ученики поняли, как легко и приятно у нее учиться. Но так

ни одной пятерки поставить и не смогла.

А потом в памяти только тяжелая пустота с вечным гамом, воплями и лошадиным топотом. И потоками мата со всех сторон. Галя за всю жизнь не слышала столько матерщины, сколько за эти первые школьные месяцы.

Каникул Галя почти не заметила, только выпалась чуток и начала приходить в себя.

После каникул вошла в класс со спокойным безразличием каторжанина.

Она привыкла, что голос ее в классе не слышен, как бы ни старалась она кричать. Она привыкла к тому, что ее ученики способны затеять на уроке игру в пятнашки или концерт с песнями, плясками, хрюканьем и мяуканьем. Ее только несказанно удивляло, что кто-то из учеников умудряется в такой обстановке работать, прилежно писать и сдавать на проверку тетради с ужасающим количеством ошибок.

– Галина Анатольевна, ничего не слышно, подойдите к нам! – кричали с задних парт. Галя шла к ним, но теперь стонали передние парты:

– Куда же вы, Галина Анатольевна? Не уходите от нас, мы не услышим!

Так и бегала Галя рысцой по классу, чтобы дать возможность работать тем, кто хотел этого.

Галя привыкла к оглушительному стыду, когда на шум приходили учителя из соседних классов и даже с других этажей.

– Что здесь происходит? – удивленно смотрели они на Гаю. Затем, грозно сдвинув брови, рывками на класс звучными голосами, и мгновенно наступала тишина. Минуты три Галя слышала свой голос, потом все начиналось снова.

Далеко за полночь отрывалась она от тетрадей. Поднимала привычно глаза к иконе и чувствовала, что нет даже сил припоминать слова молитв. Она только жалобно смотрела на лики и повторяла про себя: «Гибну, спаси, дай сил...»

И вдруг однажды, в декабре, она очнулась от шока.

Начались морозы. В классе стало холодно. На переменах Галя бегала по классу, отгоняя ребят от окошек, но им очень хотелось впустить в едва согревшийся дыханием класс облака морозного пара.

И на следующий день Галя проснулась без голоса, только сипела чуть слышно.

Температуры не было, и, обреченно махнув на себя рукой, Галя пошла на урок. Какая разница, если ее все равно не слышат!

Встала перед галдящим классом, хлопнула ладонью по столу и прохрипела:

– Слышите, какой голос? Простудили вы меня вчера!

И вдруг ее слышали, взглянули с любопытством и притихли.

Впервые на уроках была тишина – у всех трех классов. Галя хрипела – и ее слышали. Работяги писали, лентяи довольно тихо шептались или играли в морской бой. Если кто-

нибудь из них, позабывшись, повышал голос, на него дружно шикали или просто хлопали по затылку.

На четвертый день голос вернулся. Галя впервые ощутила его непривычную силу и новый, неведь откуда взявшийся тембр.

И все обрадовались:

– А вы уже поправились!

– У вас голос стал хороший!

А тихая Олечка в очках сказала с первой парты:

– А я за вас все дни молилась.

И никто не засмеялся и даже не удивился.

– Вот потому я и поправилась, – кивнула ей Галя. – Спасибо тебе большое.

В этот день она прикрикнула на бешеный пятый «Б», и они удивленно присмирели.

В этот день она осторожно, чтобы не помять, взяла за шиворот мерзкого, наглого второгодника из пятого «А», развлекавшего класс рвотными звуками, и повела к дверям, приговаривая:

– Сейчас, солнышко, к врачу ходим. Он тебе большо-ой укол сделает – угадай, куда! – и все пройдет.

Класс веселился, Витька-второгодник, послушно семеня ногами, продолжал имитировать нестерпимую тошноту. Но, когда Галя вывела его в коридор, заволновался:

– А куда вы меня, а?

– В медкабинет, – сердечно ответила Галя, – уж очень ты

мне мешаешь. Пусть приходят родители и везут тебя в больницу.

Витька рванулся:

– Не надо!..

– Не дергайся, воротник оторвется, – ласково успокаивала Галя.

– Не надо! Не надо! – он схватил ее за руки и жалобно заглянул в лицо. – Не надо звонить – меня отец убьет!

Лицо его задрожало, и глаза, к Галиному смущению, набухли слезами.

– Он меня, знаете, как бьет? Что под руками, тем и бьет: сковородками, стульями... Молотком однажды стукнул, только по голове не попал – я увернулся... Не звоните!.. Я не буду!..

– Ладно, – тихо сказала Галя. – Иди умойся и приходи на урок.

Класс тем временем веселился, скакал и пел хором: «Сим-сим, откройся, сим-сим, отдайся!..» Галя вошла, и все радостно закричали:

– А где Витька? Ему укол делают?

– Делают, – кивнула Галя. – Продолжаем урок.

Когда вошел Витька, болельщики поинтересовались:

– Как укольчик?

Витька в ответ старательно морщился и потирал зад. Хотели все радостно, но Галин голос все же слышали:

– Вот видишь, укол сделали – и все прошло.

На уроках Гале думать обо всем этом было некогда. Но по дороге домой она вдруг ощутила внутри себя радостно поющую струну. Эта веселая песенка будоражила ее так, что хотелось смеяться и прыгать на одной ножке до самого дома.

С этой песенкой внутри зашла она к Люсе за Сашей. Люся теперь забирала из школы обоих первоклассников, Тимошку и Сашу, и вела к себе домой до Галиного прихода. А дома, конечно, кормила.

Гале было очень неудобно. Русаковы жили впроголодь. Галя с полочки покупала куриные окорочка, мороженую рыбу, сгущенное молоко и совала Люсе, краснея и сочиняя бездарную сказку о горах мяса и штабелях рыбы, которые не помещаются у них в холодильнике. Люся с улыбкой слушала этот бред и жалостливо успокаивала:

– Ну ничего, ничего, спасибо, роднуля!

Они давно уже породнились. Люся крестила Сашу, Галя крестила Алешку.

Коля к их дружбе долгое время относился очень сдержанно. Не любил он непонятных явлений. А многодетная семья, рожающая в период экономического кризиса четвертого, пятого, а потом и шестого ребенка, – это необъяснимо.

Но потом, когда Коля стал на некоторое время начальником, у него появилась мечта купить машину. Что-нибудь дешевенькое, старенькое. Он стал консультироваться по этому поводу с Люсиным мужем, Валерой, заводил его домой, уса-

живал на кухне, и за стаканчиком хорошего пивка они засиживались до глубокой ночи. И вроде наконец друг друга поняли и оценили.

Валера, как оказалось, окончил тот же институт, что и Коля, только двумя годами раньше и вечернее отделение. Работал сначала по специальности, но, когда после Павла родилась Аня, ушел в таксисты. Надо было кормить детей, которые все рождались и рождались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.